

Бесконечный Марс

Автор:

[Стивен Пратчетт](#)

Бесконечный Марс

Стивен М. Бакстер

Терри Пратчетт

Бесконечная земля #3

2045 год. Пробуждение и последовавший взрыв древнего Йеллоустоуна вызывают необратимые изменения в климате Базовой Земли. Наступивший новый Ледниковый период вынуждает эмигрировать в параллельные копии Земли даже тех, кто много лет назад твердо решил остаться «дома».

«Прирожденные Путники» – Джошуа Валиенте и Салли Линдси – готовы снова прийти на помощь растерянному человечеству.

Только очень похоже, что кто-то заранее знал об извержении и постарался подготовить к этому людей. И этот «кто-то» неизвестен даже Лобсангу, великому разуму Бесконечной Земли. Поиски ответов не только приведут Путников на Марс, но и заставят иначе взглянуть на теорию эволюции...

Третий роман великолепной саги, совместно написанной неподражаемым Терри Пратчеттом, создателем «Плоского мира», и звездой британской НФ Стивеном Бакстером, отправит читателя в путешествие по воистину безграничной Вселенной.

Впервые на русском языке!

Терри Пратчетт, Стивен Бакстер

Бесконечный Марс

Terry Pratchett and Stephen Baxter

THE LONG MARS

Copyright © Terry & Lyn Pratchett and Stephen Baxter, 2014.

First published as 'The Long Mars' by Transworld Publishers, a division of The Random House Group Ltd.

© А. Агеев, А. Баннов, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Лин и Рианне, как всегда

Т. П.

Сандре

С. Б.

Глава 1

Верхние Меггеры

Далекие миры в большинстве своем оставались безлюдными даже в 2045 году, спустя тридцать лет после Дня перехода. И жить там можно было в совершеннейшем одиночестве. Одному в целом мире.

Это сыграло забавную штуку с твоим рассудком, подумал Джошуа Валиенте. После нескольких месяцев одиночества ты стал настолько восприимчив, что, наверное, сможешь теперь сказать, когда появится другой человек – пускай даже он будет совсем один, – чтобы разделить с тобой этот мир. Еще один человек, быть может, на другой стороне планеты. Но никакая Принцесса на горошине тут ни при чем. Лишь ночи, холодные и бездонные, и звездный свет, что весь изливается прямо на тебя.

Но все же, подумал Джошуа, даже в пустом мире под пустым небом другие люди всегда теснились у него в голове. Такие, как его живущие далеко отсюда жена и сын, бывшая компаньонка по путешествиям Салли Линдси и все население Базовой Земли, страдающей после Йеллоустоуна и спустя пять лет после извержения.

И Лобсанг. Как всегда, Лобсанг...

Ввиду своего необычного происхождения Лобсанг не мог не стать кем-то вроде авторитета по части труда, известного на Западе как «Тибетская Книга мертвых».

Пожалуй, для тибетцев более привычным названием из всех было «Бардо Тодол», что переводится примерно как «Освобождение посредством слушания». Этот погребальный текст служил для того, чтобы проводить сознание через этап между смертью и перерождением, но не имел ни одной согласованной редакции. Появившись в VIII веке, он прошел через множество рук, и это привело к возникновению массы различных версий и интерпретаций.

Временами, когда Лобсанг исследовал состояние Базовой Земли, первого дома человечества, в первые дни, месяцы и годы после Йеллоустоунского суперизвержения 2040 года, он находил утешение в звучном языке древнего текста.

Утешение на фоне новостей, поступавших, например, из Бозмена, штат Монтана, Запад-1, через считанные дни после извержения. Новостей, на которые откликнулись его близкие друзья...

В любой другой день поселение, растущее в этом стоящем «одной ногой» на Западе Бозмене, было бы типичной последовательной колонией, подумал Джошуа, снова натягивая защитный комбинезон. Россыпь бревенчатых хижин Эйба Линкольна[1 - Традиционное американское жилище часто ассоциируется с именем 16-го президента США, родившегося и проведшего детство в такой хижине.] врезалась в лес, древесина которого безостановочно переправлялась на Базовую Землю. Загон для скота, маленькая часовня. Пожалуй, этой копии Бозмена не хватало удобств, которые можно найти дальше по Долгой Земле – таких, как гостиницы, бары, городская ратуша, школа, поликлиника. Находясь в такой близости от Базовой Земли, было слишком просто вернуться домой ради всего этого.

Но этот день, 15 сентября 2040 года, не был обычным ни в одной из последовательных Америк. Потому что спустя семь дней после первого взрыва большой кальдеры извержение Йеллоустоуна на Базовой Земле все еще продолжалось. А Бозмен, Монтана, находился всего милях в пятидесяти от затянувшегося взрыва.

И, оказавшись в шаге от катастрофы, Бозмен, Запад-1, изменился.

Хотя день был ясным, небо – синим, трава – ярко-зеленой и нигде ни намек на извержение вулкана, город заполнился людьми, которые набились в хижины, разместились в наскоро возведенных палатках или просто сидели на расстеленном по земле брезенте. Все были покрыты таким слоем вулканического пепла, что приняли равномерно серый цвет – кожа, волосы, одежда, – как будто персонажи из какого-то древнего черно-белого ТВ-шоу «Я люблю Люси»[2 - Американский комедийный телесериал, выходивший на экраны в 1951–1957 гг.], вмонтированные цифровым способом в залитую солнцем зелень этого прекрасного осеннего дня. Мужчины, женщины и дети кашляли и мучились от тошноты, будто привыкли курить, как в 1950-х.

Территорию вокруг городка тем временем занимали представители ФАЧС[3 - Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях.] и

Национальной гвардии, которые разметили землю лазерными лучами, полицейскими лентами и даже просто мелом, чтобы подогнать ее под план кварталов и домов Базового Бозмена. Некоторые линии уходили в лес и чащи кустарников, ранее остававшиеся нетронутыми. Чиновники пронумеровали и поместили эти кварталы, а переходящие волонтеры, перенеся компьютерные карты на свои планшеты, раз за разом возвращались на Базовую Землю, чтобы убедиться, что в поселении никого не забыли.

Все это в некотором смысле было отражением главной загадки Долгой Земли, подумал Джошуа. Уже прошло четверть века со Дня перехода, когда он и другие дети по всему миру скачали схему простого электронного прибора под названием «Переходник», повернули ручку согласно инструкции – и перешли, не влево или вправо, не вперед или назад, но в совершенно ином направлении. Шагнули в мир лесов и болот, по крайней мере, если начать в Мэдисоне, штат Висконсин, как это случилось с Джошуа. Мир, во всем похожий на Землю – древнюю Землю, Базовую Землю, – за исключением того, что он полностью безлюден. До тех пор, пока в нем, выскочив прямо из воздуха, не появились такие дети, как Джошуа. И как он быстро определил, можно было сделать еще один шаг, а затем еще – пока не обнаружишь, что шагаешь по целой цепи параллельных миров, которые все сильнее отличались от Базовой Земли, – но так и не встречая ни единой души. Миры Долгой Земли...

И вот она – жестокая реальность. Базовую Америку сейчас покрывало обжигающее одеяло из вулканического пепла и пыли – тогда как здесь, всего в одном шаге в сторону, казалось, что никакого Йеллоустоуна вообще не существовало.

Салли Линдси появилась, допивая кофе из полистироловой чашки, которую аккуратно поместила в контейнер для очистки и повторного использования. Старая пионерская привычка, отвлеченно подумал Джошуа. Она была в чистом цельном комбинезоне, но пепел осел у нее на волосах, шее, лице и даже на ушах – везде, на всех местах, что не скрывались под маской ФАЧС или ее ремешками.

Ее сопровождал солдат Национальной гвардии, совсем еще мальчик, с планшетным компьютером в руках. Он проверил их личности, номера на груди костюмов и городской квартал, куда они собирались на этот раз.

– Опять собираетесь перейти?

Салли принялась снова закреплять на лице маску, дыхательный фильтр, очки в стиле стимпанк.

- Мы этим уже семь дней занимаемся.

Джошуа тоже потянулся за маской.

- И сдаётся мне, нескоро это закончится.

- А где сейчас Хелен?

- Думаю, Черт-Знает-Где.

Парнишка из Национальной гвардии приподнял брови, но Джошуа всего-навсего говорил о своем доме в Верхних Меггерах, поселении более чем в миллионе шагов от Базовой Земли, где он жил со своей семьей – Хелен и его сыном Дэном.

- Ну или на пути туда. Она сказала, так безопаснее для Дэна.

- И то верно. На Базовой и Ближних Землях бардак теперь затянется на много лет.

Он знал, что она права. На Ближних Землях происходили незначительные геологические изменения, отражающие большое извержение на Базовой, но «бардак» в молодых мирах стал результатом мощного нашествия беженцев с нее.

Салли посмотрела на Джошуа:

- Держу пари, Хелен не обрадовалась, когда ты отказался к ней возвращаться.

- Да, нам тогда нелегко пришлось. Но я вырос в Базовой Америке и не могу так просто ее бросить.

- Поэтому решил остаться и использовать свои сверхспособности к переходу, чтобы помочь страждущим.

– Не надо так, Салли. Ты ведь тоже здесь. Сама же выросла в Вайоминге...

Она изобразила ухмылку.

– Да, но у меня нет жены, которая пытается утащить меня отсюда прочь. Серьезный аргумент, правда? Или это просто один из долгих периодов, когда она на тебя дуется?

Он отвернулся, сердитым рывком закрепил ремешки маски на затылке и натянул капюшон. Она засмеялась над ним, но из-за маски ее смех звучал приглушенно. Он знал Салли вот уже десять лет, с тех пор как впервые отправился в пробную прогулку в глубь Долгой Земли – лишь затем, чтобы узнать, что Салли была уже там. И за все это время она совсем не изменилась.

Парнишка из Нацгвардии подвел их к полицейской ленте.

– Дом, куда вы идете, прямо перед вами. Двое детей уже оттуда вышли, но мы недосчитались троих взрослых. Судя по записям, у одного из них фобия. Фамилия семьи – Брюэр.

– Ясно, – сказал Джошуа.

– Правительство Соединенных Штатов ценит то, что вы делаете.

Джошуа посмотрел сквозь маску в глаза Салли. Этому мальчишке едва ли больше девятнадцати. Джошуа было тридцать восемь, Салли – сорок три. Джошуа поборол искушение взлохматить светлые волосы парнишки.

– Конечно, сынок.

Затем он щелкнул своим головным фонарем и потянулся к руке Салли.

– Готова?

– Как всегда, – она взглянула на держащую ее руку. – Ты уверен, что твоя фальшивая рука все это выдержит?

Протез левой руки достался ему после их последнего длительного путешествия вместе.

– Возможно, даже больше уверен, чем во всем остальном.

Они пригнулись, зная, что сейчас должно произойти.

– Три, два, один...

И шагнули в ад.

Зола и пемза били их по плечам и по головам; пепел был словно дьявольский снег – серый, тяжелый и горячий, а пемза падала пенистыми кусками размером с гальку. Стоявший перед ними автомобиль был завален камнями, которые уже засыпало пеплом. Фоновым шумом непрерывно звучал гулкий рев, из-за которого невозможно было общаться. Столб дыма из Йеллоустоуна поднялся в воздух уже на двадцать миль; небо, затянутое пеплом, газом и смогом, почти совсем почернело.

И стояла жара. Будто в кузнице пионерского городка. Было трудно поверить, что сама кальдера находится аж в пятидесяти милях отсюда. Некоторые говорили, что даже на таком расстоянии падающий пепел мог снова расплавиться и течь как лава.

Но дом, который они пришли проверить, стоял прямо перед ними, как в плане Гвардии, – одноэтажный дом с обвалившимся под тяжестью пепла крыльцом.

Салли двинулась вперед, обходя погребенный автомобиль. Им нужно было пробиться сквозь пепел, который местами лежал в фут глубиной, словно тяжелый, горячий и плотный снег. И огромная его масса была лишь началом тех проблем, что он обычно приносил. Если дать ему волю, он мог ободрать кожу, превратить глаза в зудящие гнезда боли и расцарапать легкие в фарш. А если дать ему несколько месяцев – то и убить, даже если и не удалось раздавить человека сразу.

Входная дверь, судя по всему, была заперта. Салли не стала тратить время – просто подняла ногу и ударила ботинком в створку.

Комната внутри оказалась устлана обломками. В свете своего фонаря Джошуа увидел, что деревянная рама конструкции давно уже сдалась под грузом пепла и пемзы, поэтому крыша и чердак провалились сквозь потолок. Мусора в гостиной было не меньше чем серых сугробов пепла. На первый взгляд казалось невозможным, что кто-то мог здесь выжить. Но Салли, всегда быстро соображающая в сложных ситуациях, указала на угол, где стоял квадратный обеденный стол. Несмотря на толстый слой пепла на столешнице, он выглядел крепким и устойчивым.

Они двинулись в его сторону. В местах, где они ботинками соскребали с пола мусор, Джошуа заметил алый ковер.

Стол был занавешен шторами. Распахнув их, они обнаружили там троих взрослых. Те выглядели как холмики пепельно-серой одежды; головы были целиком обмотаны полотенцами. Но Джошуа быстро распознал мужчину и женщину средних лет, пожалуй, около пятидесяти, и еще одну женщину, которая выглядела гораздо старше и немогуще, лет восьмидесяти – ссутулившись в углу, она будто бы спала. По туалетной вони, которой повеяло из этого маленького приюта, Джошуа предположил, что они пробыли здесь уже какое-то время, наверное, несколько дней.

Встрепенувшись при виде Джошуа и Салли в их масках «ядерно-тревожного» типа, парочка отшатнулась назад. Но затем мужчина снял полотенце, явив запачканный пеплом рот и покрасневшие глаза.

– Слава богу.

– Мистер Брюэр? Меня зовут Джошуа. А это Салли. Мы пришли, чтобы вытащить вас отсюда.

– Никто не будет брошен? – улыбнулся Брюэр. – Прямо как обещал президент Каули.

– Кажется, вы здесь недурно устроились, – заметил Джошуа, оглядевшись. – Припасы, средства для защиты от пепла, для глаз, для легких...

Мужчина, Брюэр, выдавил из себя улыбку.

- Да, мы сделали все так, как сказала умная молодая леди.

- Что за «умная молодая леди»?

- Она появилась за пару дней до того, как пеплом стало конкретно засыпать. Носила на себе все это пионерское снаряжение, только так и не сказала, как ее зовут. Думаю, она из какого-то госоргана. Дала нам толковые советы, как выжить, очень понятные. - Он посмотрел на пожилую женщину. - И очень доходчиво объяснила, что планетарное регулирование ничего не могло с этим поделаться и что это не кара небесная. Мою тещу это, кажется, успокоило. Мы тогда на ее советы не обратили особого внимания, но на следующий день вспомнили. Да, мы все правильно сделали. Правда, припасы у нас заканчиваются.

Женщина рядом с ним покачала головой:

- Но уйти мы не можем.

- Вы не можете остаться, - резко возразила Салли. - У вас нет воды и еды, так? Даже если вас не убьет пепел, вы умрете от голода. Слушайте, если у вас нет Переходников, мы можем просто взять вас и шагнуть...

- Вы не понимаете, - сказал Брюэр. - Мы отослали детей и собаку. Но Мэрил, моя теща...

- Экстремальная фобия, - перебила женщина. - Вы понимаете, что это значит.

Что переход между мирами, даже если Мэрил пронести туда, вызовет такую реакцию, которая может убить ее, если не успеть ввести ей целый коктейль из соответствующих препаратов.

- Держу пари, что там, где вы нас размещаете, лекарства от фобии уже закончились, - сказал Брюэр.

- И даже если они еще есть, - продолжила за ним жена, - в приоритете будут молодые и здоровые. Я не брошу свою мать. - Она пристально посмотрела на Салли. - Вы бы смогли?

– Отца, наверное, смогла бы. – Салли попятилась обратно из тесного пространства. – Пойдем, Джошуа, мы зря теряем время.

– Нет, подожди. – Джошуа коснулся руки старухи. Ее дыхание было совсем хриплым. – Все, что нам нужно, – это перенести ее туда, где еще есть лекарства. Куда-нибудь подальше от зоны вулканического пепла.

– И как же мы, черт возьми, это сделаем?

– Сквозь мягкие места. Давай, Салли, если и надо когда-то использовать твои сверхспособности, то сейчас самое время. Сможешь?

Салли сквозь маску бросила на него раздраженный взгляд, но Джошуа его выдержал.

Потом она закрыла глаза, будто пытаясь что-то почувствовать. Она прислушивалась. Нащупывала мягкие места, кратчайшие пути Долгой Земли, которыми могли пользоваться только она и еще несколько знатоков... Идея Джошуа состояла в том, чтобы перенести Мэрил сквозь мягкие места не в последовательный Бозмен, а в другое место, где будет больше лекарств.

– Да. Отлично. Есть место в паре кварталов отсюда. Я могу в два шага перенести ее в Нью-Йорк, Восток-3. Но, Джошуа, сквозь мягкие места нелегко путешествовать, даже если ты не старый и ослабший.

– Выбора нет. Давай сделаем это. – Он повернулся к Брюэрам, чтобы все объяснить.

И тут весь дом словно вздыбился.

Джошуа, согнувшегося под столом, отбросило на спину. Он услышал, как затрещали прогибающиеся брусья, а затем как зашипел, устремившись внутрь дома с еще большей силой, пепел.

Когда все успокоилось, Брюэр уставился на него широко раскрытыми глазами.

– Что, черт возьми, это было?

– По-моему, кальдера обрушилась, – ответила Салли.

Все прекрасно знали, что это означало: за последние семь дней они превратились в экспертов по супервулканам. Когда извержение наконец закончится, магматическая камера обрушится внутрь и кусок земной коры размером с Род-Айленд упадет вниз, протянувшись на полмили, – и от сотрясения вся планета зазвенит, как колокол.

– Давайте убираться отсюда, – сказал Джошуа. – Я вас проведу.

Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы благополучно перейти с Брюэрами из их дома к невероятно яркому солнечному свету Запада-1.

И как только Джошуа шагнул обратно в пепел Базовой Земли, чтобы помочь Салли с оставшейся женщиной, до них докатился последовавший за землетрясением звук обрушения кальдеры. Небо наполнилось таким грохотом, будто все артиллерийские батареи в мире открыли огонь прямо за горизонтом. Звук, который, в конце концов, обойдет всю планету. Старушка, поддерживаемая Салли, в запятнанном сером халате и с головой в полотенцах, захныкала, прикрыв уши руками.

Посреди всего этого Джошуа гадал: кем же была та «умная молодая леди» в пионерском снаряжении?

В «Бардо Тодол» период между смертью и перерождением описан с точки зрения бардо[4 - В буддизме: промежуточное состояние, буквально переводимое как «между двумя».] – как промежуточное состояние сознания. Некоторые авторитеты выделяют три состояния бардо, другие – шесть. Из них Лобсанг считал наиболее интригующим «сидпа бардо», или «бардо перерождения», которое сопровождается кармически обусловленными видениями. Возможно, речь шла о галлюцинациях, являвшихся проистекая из изъянов души. Либо о подлинных видениях страдающей Базовой Земли и ее невинных миров-спутников.

Таких, как видение сказочных судов, зависших в небе над Канзасом...

Воздушный корабль ВМС США «Бенджамин Франклин» встретил «Чжэнь Хэ», корабль ВМС нового китайского федерального правительства, над версией Уичиты, штат Канзас, на Западе-1. Капитан китайского корабля Чэнь Чжун заявил о своей озабоченности касательно той роли, которую предположительно должен сыграть в текущих действиях по оказанию помощи Базовой Америке. Раздраженный адмирал Хирам Дэвидсон, как представитель перегруженного командного состава (хотя кто не был перегружен под конец этого катастрофического и уже вступившего в зиму 2040 года?), поручил капитану «Франклина» Мэгги Кауфман временно оставить спасательные работы и встретиться с Чэнем, чтобы обсудить, что его заботит.

– Как будто у меня есть время, чтобы тешить эго каких-то старых коммунистических аппаратчиков, – ворчала Мэгги, оставшись одна в своей каюте.

– Да, он такой, – сказала Шими, свернувшись калачиком в своей корзинке на письменном столе Мэгги. – Похоже, ты уже выяснила, кто он. Я и сама могла бы это сделать для тебя...

– Тебе я не доверяю настолько же, насколько далеко могла бы тебя зашвырнуть, – беззлобно буркнула она кошке.

– Пожалуй, это весьма далеко, – Шими встала и потянулась с легким, вполне убедительным мурчанием.

Она была совсем как настоящая кошка. Если не считать искрящихся светодиодных глаз. И воплощенной в ней чопорной человекоподобной личности. И еще ее способности говорить. Шими была сомнительным подарком для Мэгги от одной из столь же сомнительных фигур, которые, казалось, следили за ее карьерой с неприятным для нее интересом.

– Капитан Чэнь приближается, – предупредила Шими.

Мэгги сверилась с показаниями приборов. Кошка была права: Чэнь был в воздухе. Он настаивал на том, что обоим твенам нет нужды приземляться, чтобы обменяться персоналом, но сейчас приближался в легком двухместном вертолете, который, по его хвастливым заверениям, без проблем поместится внутри «Франклина», если тот откроет один из своих грузовых отсеков. Ничто не доставляло этим новым китайцам большего удовольствия, чем демонстрация своих технических возможностей, особенно Америке, все еще обессиленной спустя два месяца после извержения. Ну и выпендрейники.

Смятенная, Мэгги выглянула из большого обзорного окна своей каюты на этот мир: среднезападное небо, просторное и голубое, с легкими рассеянными облаками, зеленый ковер последовательного Канзаса, отсюда сверху почти бесконечный и плоский – и все до сих пор нетронутое, даже на этой Земле в одном шаге от Базовой. Однако чуть более подпорченное, чем раньше. До сентября, до Йеллоустоуна, Уичита на Западе-1 была не более чем тенью своего Базового исходника, сетью разбросанных строений из бревен и ячеистого бетона, грубо копиравшей план Базового города. Была типичной в своем роде. Поселения вроде этого начинались с того, что служили источником сырья для своих Базовых версий, площадкой для новых промышленных разработок, местом для дополнительных жилых построек, занятий спортом и отдыха и поэтому непременно повторяли карты исходников.

Сейчас, спустя пару месяцев после извержения, эта версия Уичиты была окружена лагерем беженцев, состоящим из рядов спешно возведенных палаток, набитых растерянными выжившими, и нагромождений коробок с пищей, медикаментами и одеждой. Военные и коммерческие твены, способные переходить, подобно «Франклину», в другие миры, висели в небе, словно дирижабли над Лондоном в военные годы. Мрачная сцена Третьей мировой – и в самом сердце последовательной Америки.

Конечно, могло быть гораздо хуже. Благодаря почти всеобщей возможности людей переходить в параллельные миры из любого места Базовой Земли прямые потери в результате Йеллоустонского извержения оказались сравнительно легкими. Фактически беженцы были перемещены из лагерей Базовой Земли, которых достигли обычным путем, убежав по дорогам подальше от эпицентра бедствия, чтобы затем перейти в более чистые параллельные миры. Сам Базовый Канзас находился на относительно безопасном расстоянии от извержения, которое остановилось в Вайоминге. Но даже на таком отдалении пепел наносил большой вред, поражая глаза и легкие. Он стал причиной явлений с такими

названиями, как «Болезнь Марии» – что-то вроде жуткого медленного удушья. Эти ужасы стали всем слишком хорошо знакомы, и вокруг медицинских палаток выстраивались очереди из измученных людей.

Погруженная в раздумья о навалившихся на нее обязанностях – а также в свои вечные сомнения о том, насколько хорошо она эти обязанности исполняла, – Мэгги вздрогнула от мягкого стука в дверь. Чэнь, без сомнения. Она резко бросила кошке:

– По уставу. – Что означало: «Заткнись».

Кошка молча свернулась калачиком и притворилась спящей.

Капитан Чэнь оказался невысоким шумным человеком и еще, по первому впечатлению Мэгги, напыщенным и самодовольным. Но при этом он как минимум смог выжить. Он был партийным чиновником, который удержал свое положение после падения коммунистического режима и отправился командующим на «Чжэнь Хэ» в престижную исследовательскую экспедицию в глубь Долгой Земли. Об этом она и упомянула, пригласив его войти.

– Экспедиция, которую вы, капитан Кауфман, уже успели бы смоделировать, если бы не это злосчастное извержение, – произнес он и, усевшись, принял предложенный кофе от проводшего его внутрь мичмана Санторини.

– Вы знаете об «Армстронге-2»? Что ж, я не единственная, чьи личные планы расстроились из-за этого.

– Совершенно верно. Но мы ведь счастливы, не так ли?

После череды несущественных фраз – Чэнь рассказал, что его пилот, лейтенант Ву Юэ-Сай, сейчас находится под присмотром в камбузе «Франклина», – он перешел к делу. Которое, как с раздражением отметила Мэгги, имело сугубо идеологический характер.

– Позвольте мне говорить прямо, – сказала она. – Вы отказываетесь перевозить избирательные бюллетени для наших президентских выборов?

Он развел свои пухлые руки в стороны и улыбнулся. Он был из тех, кому доставляло удовольствие осложнять жизнь другим, подумалось ей.

– Что я могу сказать? Я представляю правительство Китая. Кто я такой, чтобы вмешиваться в политику США, пусть даже в конструктивном ключе? Что, если, к примеру, я допущу какую-нибудь ошибку и не смогу доставить бумаги в тот или иной округ или вообще потеряю запечатанный ящик с бюллетенями? Представьте себе, какой разразится скандал. К тому же, если посмотреть со стороны, проводить выборы в таких условиях выглядит как-то безрассудно.

Она почувствовала, как повышается ее температура, и ощутила молчаливое предупреждение в устремленных на нее кошачьих глазах.

– Капитан, это ноябрь високосного года. В это время мы проводим президентские выборы. В Америке это делается, несмотря ни на какие супервулканы. Я... мы... ценим все, что китайское правительство делает для того, чтобы помочь нам выйти из этого положения. Но...

– Но вы не приветствуете мои комментарии по поводу ваших внутренних дел, не так ли? Похоже, вам придется привыкнуть к этому, капитан Кауфман. – Он указал на планшет на ее столе. – Я уверен, что ваши последние прогнозы относительно будущего вашей страны соответствуют нашим. Наиболее вероятно, что двадцать процентов континентальной территории Базовых США в конечном счете будет покинуто, в том числе Денвер, Солт-Лейк-Сити, Шайенн. Остальные восемьдесят процентов покрыто толстым слоем пепла, достаточным, чтобы уничтожить все сельское хозяйство. Несмотря на интенсивный поток эвакуации в последовательные миры, миллионы до сих пор остаются на Базовой Земле, а запасы воды и пищи быстро заканчиваются – как и на последовательных территориях вроде этой, не так ли? И этой зимой многие будут голодать без подарков в виде, например, китайского риса, доставляемого твеннами либо фрахтерами по морям Базовой Земли. Вы зависите от остальной части мира, капитан Кауфман. Зависите. И я сомневаюсь, что это изменится в ближайшее время.

Она понимала, что он прав. Ее собственные советники, входившие в экипаж корабля, говорили, что вулкан возымел глобальное влияние и последствия этого будут ощущаться еще долго. Пепел смылся довольно быстро – хотя даже лежа на земле он оставался проблемой, как сказал Чэнь, – но диоксид серы после извержения висел в воздухе, словно аэрозольные частицы, создавая

потрясающие закаты, но вместе с тем отражая солнечное тепло. И пока Базовая Земля готовилась к своей первой поствулканической зиме, температура резко упала, и в следующем году весна явно должна была задержаться – если наступит вообще.

Да, в обозримом будущем Америке не обойтись без китайского риса. Но Мэгги понимала: ее задача состоит в том, чтобы помешать таким «друзьям», как Китай, воспользоваться бедствием и заполучить устойчивые позиции в американском обществе на постоянной основе. Уже и так ходили слухи, что китайцы переправляют контрабандный табак в изнывающую от никотинового голода Базовую Америку – как в Опиумные войны[5 - Военные конфликты, развернувшиеся в середине XIX века между Империей Цин и странами Запада, которые требовали выравнивания торгового баланса с Китаем, в том числе за счет продажи опиума.], только наоборот.

Однако принцип работы Мэгги Кауфман состоял в том, чтобы бороться со стоящими перед ней практическими проблемами, позволив остальному миру позаботиться о себе самостоятельно.

– Вернемся к ящикам для голосования, капитан Чэнь. Допустим, я выделю небольшую команду из моего собственного экипажа ходить с вами, пока выборы не закончатся. Они возьмут на себя все проведение операции – равно как и ответственность за любые ошибки.

Чэнь широко улыбнулся.

– Мудрое решение, – он встал. – Я также хотел бы поинтересоваться, могу ли я прислать сюда часть моего собственного экипажа – в порядке культурного обмена. В конце концов, наши правительства уже обсуждают возможность обмена технологиями. – Он пренебрежительно осмотрелся вокруг. – Хотя наши собственные корабли несколько более продвинуты, чем ваши. Спасибо, что уделили мне время, капитан.

– Какое счастье, что это наконец закончилось, – пробормотала Мэгги, когда он ушел.

– Точно, – поддержала ее Шими.

– Слушай. Напомни мне сказать старпому, чтобы обыскал этот «экипаж для обмена» с ног до головы на предмет жучков и оружия.

– Да, капитан.

– И контрабандных сигарет.

– Слушаюсь, капитан.

Как гласят некоторые версии «Бардо Тодол», в состоянии «сидпа бардо» духу дается тело, внешне неотличимое от его бывшей физической оболочки, но наделенное чудесными силами, совершенными способностями разума и возможностью действовать беспрепятственно. Чудодейственными силами кармы.

Таким образом, взор Лобсанга охватывал весь мир – все миры. Сестра Агнес, вероятно, поинтересовалась бы, летала ли его душа в вышине над землей.

И, подумав об Агнес, Лобсанг посмотрел вниз на неказистый детский дом в последовательной копии Мэдисона, Висконсин, в мае 2041 года, спустя полгода после извержения...

Как только эта первая скверная зима сменилась несчастливой весной и Америка вступила в долгий период восстановления после Йеллоустоуна, вновь переизбранный президент Каули заявил, что столицей страны временно должен стать Мэдисон, Запад-5, заменив собой покинутый всеми Базовый округ Колумбия. В ознаменование перехода города к своей новой роли он собирался произнести большую речь со ступеней новой версии здания Капитолия – большого сарая из древесины и ячеистого бетона, смелой имитации его давно уничтоженного Базового оригинала.

Джошуа Валиенте сидел в гостиной Приюта, глядя на телевизионное изображение пустого президентского подиума. Формально он прибыл сюда для встречи с пятнадцатилетним Полом Спенсером Уагонером, весьма смышленным и весьма беспокойным ребенком, с которым впервые познакомился много лет

назад в местечке под названием Мягкая Посадка. Джошуа приложил усилия к тому, чтобы пристроить Пола в Приют после того, как распалась его семья. Но пока Пола не было, и Джошуа не мог удержаться от того, чтобы посмотреть трансляцию выступления президента из Мэдисона.

Каули выскочил на сцену – сверкающие зубы, прическа под звездно-полосатой рябью – новой голографической версией флага, увеличенной, чтобы отразить новую действительность последовательной экспансии нации в глубь Долгой Земли.

– Даже удивлен, что он на самом деле здесь, – заметил Джошуа сестре Иоанне.

Сестра Иоанна, урожденная Сара Энн Коутс, некогда, как и Джошуа, жившая в доме на Союзном проезде в Мэдисоне, теперь заправляла этим перемещенным заведением. Ее одежда была как всегда чистой и отутюженной. Улыбнувшись, она отозвалась:

– И чему ты удивлен? Тому, что президент выбрал Мэдисон для новой столицы? Это же самый развитый город в Ближних Америках.

– Не только этому. Посмотри, кто с ним на сцене. Джим Старлинг, сенатор. И Дуглас Блэк!

– Хм, – сказала сестра Джон. – Им стоило пригласить и тебя. В качестве местной знаменитости. Всякие идиоты твердят, что ты знаменит: Джошуа Валиенте – герой Дня перехода.

День перехода, когда каждый ребенок в мире собрал Переходник и сразу же заблудился в лесах необжитых параллельных миров. Поблизости от Мэдисона это случилось с Джошуа, который в итоге вернул потерявшихся детей домой – в том числе Сару, ныне сестру Иоанну.

– Я все время надеюсь, что люди об этом забыли, – с сожалением признался Джошуа. – В любом случае, они бы, наверное, согнали меня с трибуны из-за того, что я такой чумазый. Чертов пепел, как его ни скреби – все равно где-нибудь да остается.

- Еще ходишь в спасательные операции на Базовую Землю?

- Да, хожу, но спасти там уже некого. Сейчас мы переправляем вещи из покинутой зоны в районе кальдеры, через Вайоминг, Монтану и Горные Штаты. Там на удивление многое сохранилось: одежда, бензин, консервы, даже корм для животных. Мы выносим оттуда всю технику, которая кажется рабочей на вид. Сотовые мачты, например. Вещи, которые потребуются нам для восстановительных работ на Ближних Землях. Большинство рабочих присылают нам из лагерей беженцев. - Джошуа усмехнулся. - Они набивают карманы любыми деньгами, которые находят. Долларовыми купюрами.

Сестра Иоанна фыркнула:

- Если учесть, что экономика сдулась и рухнули рынки, эти купюры лучше всего подойдут, чтобы их сжечь и согреться.

Он хотел ответить, но она шикнула на него, поскольку Каули начал свою речь.

После рутинного начала из приветствий и острот Каули оценил ситуацию в Америке и в Базовом мире спустя восемь месяцев после извержения. Хотя зима сменилась весной, положение не улучшилось. Глобальное климатическое воздействие оказалось долговременным. На Дальнем Востоке за всю осень не было муссонных дождей. После этого практически все регионы севернее Чикаго - Канада, Европа, Россия, Сибирь - пережили самую суровую зиму, какую кто-либо мог припомнить. Теперь похожее бедствие разворачивалось и ниже экватора, по мере того как в южном полушарии наступала зима.

Все это означало, что нужно было думать о новом мире.

- Что ж, эту первую зиму мы пережили за счет жирка, накопленного ранее - в довулканические времена. Больше мы этого себе позволить не можем, поскольку все-уже-израсходовано, - Каули подчеркнул эти слова, трижды хлопнув рукой по поверхности подиума. - И мы больше не можем полагаться на поставки продовольствия от наших соседей и союзников, которые до сих пор были очень щедры, но этим холодным летом им придется решать собственные проблемы. В конце концов, Дядя Сэм сам себя прокормит. Дядя Сэм сможет о себе позаботиться!

В толпе перед подиумом раздались приветственные возгласы, высокопоставленные чиновники на сцене за спиной Каули аплодировали.

Когда камера прошла по их лицам, Джошуа заметил среди помощников Каули совсем молодую девушку, не старше подростка, – худенькую, темноволосую, сдержанную, с умным личиком, но одетую в то, что население Базовой Земли обычно называет «пионерским снаряжением»: кожаную юбку и куртку поверх того, что напоминало поношенную блузку. Он узнал ее – это была Роберта Голдинг, с Мягкой Посадки. Джошуа встречал ее в прошлом году в школе Вальгаллы, крупнейшего города в Верхних Меггерах, в те, теперь уже далекие дойеллоустоунские времена. Они с Хелен привели туда своего сына, Дэна, думали отдать его туда учиться. Тогда она показалась ему необычайно умной, и если в таком юном возрасте ей уже удалось получить высокую должность в администрации Каули, значит, она раскрыла свой потенциал.

Странно, но Джошуа вспомнилась та семья, которой он помог выбраться из Бозмена вскоре после начала извержения. И то, что они упомянули «умную молодую леди» в «пионерском снаряжении», которая вовремя подоспела с ценными советами. Могла ли это быть Роберта? По описанию она подходила. Как бы то ни было, сам он считал, что чем больше умных советов человечество получит в такое тяжелое время, как сейчас, – тем лучше...

И Джошуа снова переключился на президента.

Поскольку дойеллоустоуновские запасы израсходованы, продолжал Каули, настало время посеять урожай и вырастить пищу, которой хватит, чтобы накормить всех будущей зимой и после нее. Проблема состояла в том, что сезон урожая на Базовой Земле в этом году, по прогнозам, должен был получиться нещадно коротким – спасибо вулканическим облакам за это. Тем временем молодые сельскохозяйственные экономики в последовательных Ближних Землях, с основания которых прошло не более четверти века, не обладали достаточным потенциалом, чтобы принять вызов. Именно поэтому на новых Землях лишь ничтожная доля всей этой последовательной территории была очищена от девственных лесов.

Таким образом, предстояло осуществить «Переселение» – новую программу массовой миграции, организованную Национальной гвардией, ФАЧС и Министерством национальной безопасности при содействии ВМФ и их твенгов. До извержения на Базовой Земле проживало более трехсот миллионов

американцев. Однако ни одному из последовательных миров нечего было и пытаться прокормить в этот первый год более тридцати миллионов – примерно столько населяло США в середине XIX века. А это означало последовательное расселение миллионов людей по цепи как минимум из десяти миров на Восток и на Запад. И в то же время на всех оседлых мирах должна была начаться яростная расчистка земель под сельское хозяйство. Все планировалось начать этим летом. Джошуа подумал, что им наверняка понадобятся всевозможные инструменты, дешевая одежда и вообще что угодно, что он и остальные утилизаторы смогут вытащить с разрушенной Базовой Земли.

– Это расселение станет малым подобием библейского Исхода, – сказал Каули. – Это будет такое открытие новых границ, рядом с которым освоение Дикого Запада покажется уборкой двора моей бабушки. Но мы американцы. Мы сможем сделать это. Мы сможем построить новую, пригодную Америку, и мы это сделаем. Я убежден в этом. Так же как я обещал вам, что никто не будет брошен во тьме этого проклятого пепла, я обещаю вам сейчас: в предстоящие нам трудные времена никто не будет голодать...

Следующие его слова были заглушены возгласами и аплодисментами.

– Должен признать, он хорошо справляется, – сказал Джошуа.

– Да. Даже сестра Агнес говорит, что он здорово вырос как президент. И Лобсанг так считает.

– Я припоминаю, что Лобсанг не раз предсказывал суперизвержение, – хмыкнул Джошуа. – Мы выяснили, что на Долгой Земле подобное случалось в некоторых Джокерах – разрушенных стихийными бедствиями мирах. Но он не смог предугадать наступление Йеллоустоуна.

Сестра Иоанна покачала головой:

– В конце концов, он понимал не больше геологов, на чьи ошибочные данные ему приходилось полагаться. И никак не мог это остановить.

– И то правда. – Точно так же Лобсанг утверждал, что не мог предотвратить ядерный удар террористов по Базовому Мэдисону десять лет назад. Лобсанг точно был не всемогущ. – Но держу пари, что от этого он не чувствует себя

лучше...

В «сидпа бардо» духовное тело не сковано грубой материей. Оно может проходить через скалы, холмы, землю, дома. Просто сосредоточив внимание, местоположение в пространстве, что было Лобсангом, оказывалось и здесь, и там, и повсюду. Но все сильнее ему хотелось быть рядом со своими друзьями.

С такими друзьями, как Нельсон Азикиве, сидящий в доме священника в старом приходе Святого Иоанна-на-Водах...

Преподобный Дэвид Блессед, у которого гостил Нельсон, передал ему еще одну наполненную до краев кружку чая. Тот, с благодарностью приняв его, ощутил исходящее от напитка тепло. Шел август 2042 года, и на юге Англии – меньше чем через два года после извержения Йеллоустона – шел снег. Осень снова пришла до ужаса рано.

Они оба с интересом наблюдали за третьим присутствовавшим в комнате – местной женщиной по имени Эйлин Коннолли, которая сидела перед экраном большого телевизора и смотрела повторяющиеся снова и снова новости. За три дня, прошедшие после покушения в Ватикане, они выучили их уже почти наизусть. Сумасшедший крик: «Не ступала! Не ступала!» Ужас при виде мелькающего в воздухе оружия, распятия с заостренным концом. Хрупкую фигуру Папы в белом одеянии уносят с балкона. Беспомощно скорчившийся в приступе тошноты убийца, запоздало настигнутый им после перехода.

Несостоявшийся убийца был англичанином. Его звали Уолтер Николас Бойд. Всю свою жизнь он был убежденным католиком. И сам, в одиночку, построил в Риме, Восток-1, строительные леса, точно соответствующие положению и высоте балкона Святого Петра, где стоял Папа, благословляющий толпу на площади снизу. Это было самое очевидное место для возможных покушений, но ватиканские телохранители почему-то его не блокировали. Что было особенно удивительно и непростительно в эпоху терактов, совершаемых с помощью перехода. Поэтому Уолтер Николас Бойд поднялся на строительные леса, перешел оттуда с заточенным деревянным распятием и попытался убить Папу. Понтифик был тяжело ранен, но остался в живых.

Теперь, наблюдая за новостями, Эйлин начала что-то напевать.

Дэвид Блаженный устало улыбнулся.

– Они все поют этот гимн.

На этот горный склон крутой

Ступала ль ангела нога?

И знал ли агнец наш святой

Зеленой Англии луга?..[6 - Перевод Самуила Маршака.]

Он сам почти пропел эти строки.

– «Иерусалим» Уильяма Блейка. Мистер Бойд протестует против того, что они называют ватиканским «захватом земель», не так ли?

– Так и есть, – ответил Нельсон. – Есть такое всемирное протестное движение под названием «Не ступала». В нем участвует и Эйлин, верно?

Эйлин, сорока четырех лет, мать двоих детей, была одной из прихожанок Нельсона, а теперь находилась еще и под опекой Дэвида Блаженного, предшественника Нельсона, который на девятом десятке лет вышел из отставки, чтобы заботиться о приходе в эти темные поствулканические дни.

– Правда. Именно поэтому она оказалась в таком клубке сомнений.

– Это трудные времена для всех нас, Дэвид. Как вы думаете, я могу с ней сейчас поговорить?

– Конечно. Пойдемте. И давайте я добавлю вам чаю.

Затем Нельсон осторожно расспросил Эйлин Коннолли, пройдясь по всей ее простой истории, о том, как она работала в магазине, как стала матерью и как потом случился развод, но жизнь продолжалась и она достойно растила детей. Очень английская жизнь, более-менее спокойная, даже несмотря на открытие Долгой Земли. И безмятежная – до тех пор, пока в Америке не проснулся вулкан.

– Вы должны уехать, Эйлин, – мягко сказал Дэвид. – Я имею в виду, на Долгую Землю. И должны забрать с собой детей. Сами знаете почему. Нам всем надо переезжать. Англия разорена. Вы видите, как местные фермеры надрываются...

Нельсон понимал почему. В этот второй год без лета сезон урожая даже на юге Англии был чрезвычайно коротким. Запоздало начав в июне, фермеры боролись изо всех сил, чтобы посадить быстрорастущие зерновые культуры, картофель, свеклу и репу в промерзлую землю, и времени едва хватило, чтобы собрать пожухлый урожай прежде, чем ударили морозы. В городах тоже остановились практически все виды деятельности, за исключением отчаянных попыток вынести культурные ценности в последовательные миры – причем правительства обещали совместно создать в дальнейшем всемирный музей Базовой Земли, где ничто не затеряется...

– И будет только хуже, – произнес Дэвид. – Еще долгие, долгие годы. В этом нет никаких сомнений. Старая добрая Англия больше не может нас поддерживать. Мы просто должны отправиться в эти дивные новые миры.

Эйлин промолчала.

– Вопрос ведь не в том, что она не может перейти? У нее же нет фобии? – Нельсон не был вполне уверен, что уловил суть.

– О, нет. Боюсь, дело в том, что ее терзают теологические сомнения.

– Теологические? – Нельсон улыбнулся. – Дэвид, это Англиканская церковь. Мы не занимаемся теологией.

– Да, но Папа им занимается, а сейчас тут все перемешалось, как видишь...

Эйлин выглядела спокойной, хотя и слегка сбитой с толку. Наконец она заговорила:

– Беда в том, что вы все слишком запутали. Священники говорят о Долгой Земле то одно, то другое. Сначала нам сказали, что пойти туда – это богоугодное дело, поскольку надо оставлять здесь все свои мирские блага, когда переходишь. Ну, почти все. Это было похоже на принятие обета бедности. Так, например, был

создан Новый орден Пилигримов Долгой Земли, которые странствовали и посвящали себя нуждам возникающих там новых приходов. Это было прекрасно. Я читала о них и даже отправила туда немного денег. Но затем эти архиепископы во Франции начали говорить, что последовательные миры – падшие, что это творение дьявола, потому что Иисус там никогда не появлялся...

Нельсон читал об этом, когда готовился к встрече с Эйлин. В некотором роде это было продолжение старых споров о том, можно ли считать жителей других планет «спасенными» или нет, если Христос был рожден только на Земле. Из всей Долгой Земли, как было известно, люди эволюционировали только на Базовой. Так что пришествие Христа, несомненно, было ее уникальным событием, а само тело Христово состояло из атомов и молекул Базовой Земли. Но тогда каков теологический статус у всех этих иных Земель? Как относиться к рожденным в иных мирах Долгой Земли детям, чьи тела сформировались из атомов, не имеющих ничего общего с Христовым миром? Были ли они спасены благодаря его пришествию или нет?

Нельсон считал все это отвратительной мешаниной из превратно понятых научных теорий и средневековой теологии. Но он знал, что подобными вопросами были озадачены многие католики, даже в самом Ватикане. И судя по всему, представители других христианских течений тоже.

Эйлин снова заговорила:

– И вдруг ни с того ни с сего читаешь об этих торговцах, которые продают облатки для причастия с Базовой Земли и называют их единственно годными к употреблению, поскольку их привозят с того же мира, откуда родом Господь наш, Иисус.

– Они просто барышники, – мягко ответил ей Нельсон.

– Да, но потом Папа сказал, что вся Долгая Земля – часть Царства Божьего...

Нельсон относился к резкому изменению позиции Ватикана в отношении Долгой Земли со здоровым цинизмом. Все упиралось в демографию. Из-за продолжающегося массового исхода с большей части планеты на близлежащих мирах колонии неожиданно заполнились множеством потенциальных католиков. И поэтому так же неожиданно все эти миры обрели святость. В качестве

теологического обоснования Папа привел слова из Книги Бытия, глава первая стих двадцать восьмой: «И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею»[7 - Синодальный перевод.]. Тот факт, что Бог не сказал прямо: «Долгая Земля», не стал проблемой. Как в 1492 году, когда оказалось, что в Библии не упомянута Америка. Вам ведь по-прежнему нужны священники для приобщения к исходящей от Папы благодати? Тогда Базовая Земля оставалась источником всей власти. И да, контрацепция по-прежнему считалась грехом!

Отдельные комментаторы искренне недоумевали: как двухтысячелетнему институту Церкви снова удалось выдержать столь крупные экономические и философские неурядицы, сравнимые с падением взрастившей ее Римской империи, открытиями Галилея, Дарвина и появлением теории Большого взрыва? Но даже некоторые католики ужаснулись тому, что было названо самым дерзким захватом земель с 1492 года, когда Папа Александр VI поделил весь Новый Свет между Испанией и Португалией. Теперь же старинная идеология утверждала гегемонию над самой бесконечностью. Тут-то и появился Уолтер Николас Бойд со своим отчаянным криком: «Не ступала!»

И Эйлин с ее крайним смятением.

– Мне не понравилось то, что сказал Папа, – призналась Эйлин. – Я бывала в последовательных мирах – путешествовала, отдыхала и все такое. Там есть люди, которые голыми руками строят дома и фермы из ничего. И еще эти животные, которых никто раньше не видел. Нет, я бы сказала, что мы должны быть смиренными, а не заявлять, что все это принадлежит нам.

– Звучит очень мудро, Эйлин... – ответил ей Дэвид.

– Иногда я чувствую злость, – продолжила Эйлин. – Да, так же как этот парень из телевизора, Бойд. Иногда я думаю, что это место, Базовая Земля, такое мерзкое и запутанное, что оно и источник всех бед. Что всем невинным мирам Долгой Земли будет лучше, если его как-нибудь закупорят. Как большую бутылку.

– Видишь, почему я попросил твоей помощи, Нельсон, – мягко проговорил Дэвид. – Люди становятся суеверными во времена апокалипсиса, как сейчас. – Он понизил голос: – Здесь, в Мач-Наддерби, бродят слухи о случаях колдовства.

– Колдовства?!

– Или, возможно, об одержимости демоном. У одного мальчика, самогомышленного из детей, – даже жуть берет. Все, конечно, пытаются успокоиться. Но теперь еще этот бред из Ватикана! – Он покачал головой. – Иногда я чувствую, что мы настолько глупы, что заслуживаем все свои страдания.

Нельсон, ставший близким союзником Лобсанга – или, как тот постановил, его «ценным долговременным вложением», – подумал, что Лобсанг пусть ненадолго, но согласился бы с этим утверждением.

– Вот что я попрошу тебя сделать. Пойди с ней, Нельсон. Перейди с ней туда хотя бы ненадолго. Видит Господь, я для этого слишком стар. Благослови ее. Благослови землю, на которой она обоснуется с детьми. Окрести их заново. Сделай все, чтобы убедить ее, что Бог не оставит ее, куда бы она ни забрала своих деток. И не важно, что говорит этот горемычный Папа.

– Конечно, – улыбнулся Нельсон.

– Спасибо тебе. – Дэвид поднялся. – Я принесу нам еще немного чая.

Лобсанг тосковал по своим друзьям.

После извержения Йеллоустоуна они хотя бы вернулись обратно на Базовую Землю, словно рвущиеся в огонь спасатели. Лобсанг же был рад их компании, даже когда они, как и Джошуа Валиенте, не могли уделить ему достаточно времени. Но спустя годы после извержения, когда ситуация стабилизировалась, они возвращались все реже и реже, с головой погрузившись в пучину своих личных жизненных проблем.

Как, например, Салли Линдси. Спустя четыре года после извержения ее можно было найти в одном из параллельных миров, примерно в ста пятидесяти тысячах шагов от Базовой Земли. Впрочем, Салли всегда было очень, очень тяжело найти...

Кто-то мог бы сказать, что жизненная цель Салли в том и заключалась, чтобы ее было тяжело найти. Хотя на самом деле в ее жизни существовало множество других целей, особенно когда дело касалось флоры и фауны Долгой Земли, к которым она была крайне равнодушна. Вот почему поздней осенью 2044 года она пришла в ничем не примечательное поселение посреди Кукурузного пояса в последовательном Айдахо – городок под названием Фор-Уотерс.

И вот почему она аккуратно положила тело охотника, связанного и с кляпом во рту, у задней двери офиса шерифа.

Пока она это делала, парень проснулся, его пороссячи глазки тревожно вылупились на нее. Он даже не понимает, как ему повезло, подумала она. Он-то точно не считает это везением, скорее наоборот, несчастьем, которое происходит с тобой, если до ушей Салли Линдси доходит известие, что ты убил тролля – женщину, мать и беременную... По крайней мере, она не отрезала ему палец, которым он нажал на курок. Он до сих пор был жив. А мучительный зуд от ядовитых колючек очень полезного растения, которое Салли обнаружила в Верхних Меггерах, наверное, ослабнет всего через пару лет, не больше. Так что у него будет масса времени поразмышлять о своих прегрешениях, отметила она про себя. Назовем это жестокостью из милосердия.

И именно потому, что ее было так трудно найти, места, в которых она появлялась – такие, как Фор-Уотерс, хотя она посещала его нечасто и уж точно нерегулярно, – были очень полезны для выхода на связь с Салли, если вам это было очень, очень нужно.

Поэтому шериф сама вышла из своего офиса в рассветный холодок, без особого интереса взглянула на всхлипывающего охотника и подозвала Салли. Затем вернулась в свой офис и порылась в выдвижном ящике стола.

Салли ждала за дверью. Из кабинета струились мощные ароматы – концентрированная версия общей атмосферы колонии, которой ей совершенно не хотелось надыхаться. Эта примечательная община с самого начала представляла собой среду, напичканную экзотической фармакологией.

Наконец шериф вручила Салли подписанный от руки конверт. Похоже было, что он пролежал в ящике ее стола не меньше года. Письмо внутри тоже было написано от руки, очень коряво, но Салли без проблем узнала почерк, хоть и

испытала некоторые трудности с расшифровкой. Она прочитала письмо молча, беззвучно шевеля губами.

Потом она прошептала:

- Ты хочешь, чтобы я отправилась туда? В Дыру?.. М-да, столько лет прошло. Привет, папа.

Лобсанг скучал по своим друзьям, таким, как Джошуа Валиенте. Который обосновался на склоне холма в мире, что находился более чем в двух миллионах шагов к западу от Базовой Земли. Сбежал на пять лет из зоны бедствия, в которую превратились Базовая Земля и Ближние миры, чтобы укрыться в одном из своих долгих «творческих отпусков». Совсем один, скучающий по семье, но все же отказывающийся вернуться в свой несчастный дом.

Джошуа Валиенте, который встретил новый 2045 год, не выпив ничего крепче драгоценного кофе из своих запасов, проснулся с головной болью. И прокричал в пустое небо:

- Теперь-то что?

Глава 2

Совершив последний переход, Салли осторожно вышла примерно в полумиле от забора, окружающего базу Космо-Д. За ним находилось нечто, напоминающее тяжелый машиностроительный завод: блоки, купола и башни из бетона, кирпича и железа, причем над некоторыми тянулись шлейфы дыма или пара от испарений криогенных жидкостей.

Уиллис Линдси, ее отец, указал конкретный день, когда Салли должна была тут появиться. Что ж, чем бы ни обернулась эта новая затея, она откликнулась на его просьбу. И теперь стоит здесь посреди январского дня, вернувшись в крайне странный уголок этого подобию северо-западной Англии, более чем в двух миллионах шагов от Базовой Земли. На первый взгляд это был типичный для

Британии зимний день, тусклый и прохладный.

И все же вечность была на расстоянии одного шага.

Луна светила в вышине, но это была не та луна, к которой она привыкла. Астероид, который умники из Космо-Д прозвали именем Беллос, обильно усеял эту луну лишними кратерами, почти полностью стершими Море Дождей[8 - Лунное море в северо-западной части видимой стороны Луны.], а кратер Коперника разрушил новым мощным ударом, трещины от которого протянулись через пол-лунного диска. Беллос появлялся, блуждая, во многих последовательных небесах, его траектория полностью зависела от воли космического случая, то приближаясь к Земле, то отдаляясь. Неисчислимы миллиарды Земель он пропустил, оставив нетронутыми. Но несколькими десятками миров вроде этого не повезло оказаться достаточно близко на его пути и пострадать от многочисленных ударов отколовшихся фрагментов. А одна Земля и вовсе получила удар такой силы, что оказалась полностью разрушена.

Подобные вещи, должно быть, происходят по всей Долгой Земле. Кто там говорил, что если в бесконечной вселенной что-то может случиться, то это непременно где-нибудь произойдет?[9 - Данный принцип известен как закон Мерфи, названный в честь капитана Эдварда А. Мерфи, служившего инженером на базе ВВС США.] Что ж, в таком случае это означает, что на бесконечной планете... Все, что может произойти, должно где-нибудь произойти.

Салли Линдси нашла эту огромную рану вместе с Джошуа Валиенте и Лобсангом. Дыру в цепочке миров. Их твен провалился в космос, в вакуум, в ослепительный солнечный свет, что бил словно нож... Тогда они вернулись назад и выжили.

Воздух здесь был холодным, но Салли вдыхала его, пока не опьянела от кислорода. Однажды она пережила падение в эту Дыру. А сейчас – действительно ли она собиралась возвращаться?

Да, собиралась. С одной стороны, ее позвал отец. С другой – там сейчас работали люди. В Дыре, в космосе. И это была их база, в одном шаге от Дыры.

Морской бриз ощущался таким же, как в ее воспоминаниях о последнем визите сюда вместе с Моникой Янсон пять лет назад – еще в другую,

дойеллоустоунскую эпоху. Большое небо, крики птиц – все осталось по-прежнему. В противном случае она вряд ли узнала бы это место. Даже забор перед ней превратился из шаткой ограды в настоящую Берлинскую стену – сплошной бетон и наблюдательные вышки. Внутри самой базы, несомненно, все было напичкано усиленными антипереходными системами безопасности.

Цель всего этого предприятия была очевидна. Она уже могла видеть очертания одной ракеты – элегантные, классические и легко узнаваемые. Это действительно был космодром. Но не такой, как мыс Канаверал, поменьше. Здесь не было вздымающихся пусковых башен, и ракета, которую она заметила, была короткой, приземистой, ничуть не похожей на огромные корпуса шаттлов или «Сатурна-5»[10 - Американская ракета-носитель, самая крупная и тяжелая в истории человечества. Эксплуатировалась в 1967–1973 гг.], совершенно точно не предназначенной для того, чтобы преодолевать хватку земной гравитации. Но ведь ей и не нужно было бороться с силой тяжести Земли: она не полетит в небо, а перейдет в пустоту соседней вселенной.

В целом, вместо того чтобы оставаться такими же милыми дилетантскими задворками ракетостроения, как раньше, база и все подходы к ней выглядели сейчас как одна большая инженерная детская площадка. Насколько она знала, за последние несколько лет Дыра превратилась в серьезный бизнес, с тех пор как правительства, университеты и корпорации с Базовой Земли постепенно оценили его потенциал. Сейчас рекламные щиты пестрели именами всех основных промышленных компаний, известных Салли: от «Локхид»[11 - Крупная американская авиастроительная компания.] и «Ай-Би-Эм» до Торговой Компании Долгой Земли – включая, конечно же, и Корпорацию Блэка. Это место превратилось в одно из самых густонаселенных поселений по ту сторону Вальгаллы, величайшего города Верхних Меггеров.

Что и стало одной из причин, почему она годами здесь не появлялась. И почему сделать шаг вперед ей было так трудно, словно она страдала от фобии. Она подумала, что Джошуа Валиенте в этой ситуации справился бы лучше. Старина Джошуа, казалось, чувствовал себя как рыба в воде, находясь в таких умеренно стесненных социальных обстановках. В то время как Салли была одиночкой и убежденным мизантропом.

Но сюда ее позвал отец, а его ничто не могло изменить – хорошо это или плохо. Уиллис Линдси, дорогой папочка – создатель Переходника, прибора, украденного, наверное, из ящика прямо из-под носа Пандоры и выпущенного в

ничего не подозревающий мир. В этом был весь папа: ремесленник и еще раз ремесленник. Если у вас не получалось его найти, надо было просто идти в сторону взрывов и завываний сирен «Скорой помощи»...

Пока она стояла, колеблясь в неуверенности, он смело вышел ей навстречу из ворот базы. Как он узнал, что она здесь? Хотя, конечно, он должен был знать.

Он был выше ее – она всегда больше походила на маму – и тоньше, чем когда-либо, словно весь состоял из одних только костей и сухожилий. После смерти матери он долгие годы жил, казалось, лишь на одном бренди, картошке и сахаре.

Приблизившись к ней, он остановился. Некоторое время они осторожно разглядывали друг друга.

– Пришла все-таки?

– Чего ты хочешь, папа?

Он изобразил слишком хорошо знакомую ей, слегка сумасшедшую ухмылку.

– Все та же Салли. Сразу к делу, да?

– А есть мне смысл спрашивать, чем ты занимался после... черт, да после того, как перевернул весь мир с ног на голову в День перехода?

– Всякими проектами, – пробормотал он. – Ты же меня знаешь. Ты бы или не поняла этого, или вообще не захотела бы знать. Достаточно просто сказать, что это для общего блага.

– По твоему мнению.

– По моему мнению.

– И меня ты сюда притащил из-за какого-то нового проекта?

– Сюда? – он оглянулся на базу Космо-Д. – Это только путевая станция по дороге к нашему конечному пункту назначения.

– И что же это за пункт?

– Долгий Марс, – без уловок ответил он.

Салли Линдси было не привыкать к удивлениям. Она выросла в переходах, ребенком посетила бесчисленное множество миров. Но когда отец произнес эти слова, она почувствовала, как Вселенная закружилась вокруг нее.

У ворот базы их встретил парень, которого отец представил как Эла Раупа. Сверху он был гладко выбрит, но подбородок обрамляла густая черная борода, отчего у Салли возникло странное ощущение, будто его голову перевернули по оси на уровне носа и прикрепили вверх ногами. Он был в холщовых шортах, неряшливых кроссовках без носков и черной футболке, слишком тесной для его живота, с линялым лозунгом:

ЗАКОПТИТЕ МНЕ СЕЛЕДКУ.

На вид он мог быть любого возраста в промежутке между тридцатью и пятидесятью.

– Зовите меня мистер Т-т-т, – сказал он, протягивая ей ладонь. Та-та-та.

Она проигнорировала его руку.

– Здравствуйте, Эл Рауп.

Уиллис приподнял бровь:

– Сэл, девочка, будь повежливей.

– Пойдемте. Позвольте, я покажу вам свою вотчину.

Рауп провел их через барьеры безопасности, и они вошли на территорию комплекса. Салли услышала рычание большегрузных транспортных машин, вдохнула запах кирпичной пыли и влажного бетона, увидела гигантские краны, вздымающиеся над отверстиями в земле. Вокруг бродили рабочие в желтых касках. Время от времени ей попадались знаки, предупреждающие об опасности радиации, которых не было во время ее последнего визита. Может быть, здесь разрабатывают ядерные ракеты?

Она заметила группу троллей, трудящихся за бетономешалкой, – они были явно довольны своей жизнью. Салли не слишком заботили ни технологии, ни люди, но не животные.

– Ну вот, – сказал Рауп, – добро пожаловать на мыс Ботанверал, марсонавты!

– Я смотрю, народ здесь не изменился с моего последнего визита, – уколола его Салли.

– Ах, да. Когда вы украли тех троллей.

– Когда я их освободила. Рада видеть, что ваш вид не вымер, когда это место подтянули под себя корпорации.

Рауп взмахнул толстыми пальцами.

– Так ведь мы, гики, были здесь первыми. Мы определили основные параметры того, как можно использовать эту Дыру, мы начали строительство Кирпичной Луны и передали несколько тестовых снимков еще до того, как кто-либо заметил, что мы вообще здесь были.

Его акцент напоминал среднеамериканский, но говорил он в какой-то сдавленной, показной манере, с небрежными гласными и очень четкими согласными. У нее возникло странное ощущение, что он заранее отрепетировал в голове почти все сказанное, на случай, если подберется подходящая аудитория.

– Мы отнюдь не невинные младенцы. Мы даже оформили несколько патентов. Но, в конце концов, у корпоративных парней не было никакого резона завинчивать нам гайки. Легче купить нас; мы были относительно дешевы, как они выражаются, и имели нужный им опыт. – Он ухмыльнулся. – Мы, Основатели, сейчас все долларовые миллионеры. Ну разве не круто?

Салли было все равно, поэтому она не обратила внимания на его хвастовство.

Среди гигантских промышленных строений она увидела протяженные ряды жилых домов, бары, гостиницу, кинотеатр (он же – просто театр), множество казино и игорных домов, а также более сомнительного вида заведения, которые, как она догадалась, служили стрип-клубами или борделями. Еще там стояла одна скромная часовенка, сложенная вроде бы из местного дуба, с прилегающим маленьким кладбищем за низкой каменной оградой – как напоминание о том, что космические путешествия небезопасны даже здесь.

– Я вижу, у вас есть масса возможностей спустить тут свои доллары.

– Да, это правда. У нас тут что-то вроде шахтерского городка на Диком Западе, – ответил Рауп. – Или, может, типа нефтяной вышки. Или даже раннего Голливуда, если нужен более гламурный пример. Сейчас, на самом деле, надо следить за каждым своим шагом.

– Он имеет в виду организованную преступность, – пробормотал Уиллис. – Она всегда появляется в таких местах. Уже произошло несколько убийств из-за игорных долгов и тому подобного. Один из самых распространенных способов – просто бросить человека в Дыру без скафандра и Переходника. Уснуть со звездами, как они это называют. Вот зачем такие меры безопасности – чтобы выявлять преступные элементы и отслеживать диверсантов.

– Но это по-прежнему классное место, – встрял Рауп.

Салли проигнорировала его замечание.

В сердце комплекса они прошли через своеобразную центральную аллею, по сторонам которой выстроились офисные здания, совершенно новые, из белого, незапятнанного бетона. Рауп привел их к низкому яркому зданию с бронзовой табличкой: «АУДИТОРИЯ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА». У дверей толпился народ, и

Раупу пришлось предъявить пропуска, чтобы им позволили пройти без очереди.

– Мы построили это, чтобы проводить пресс-конференции в духе Уолтера Кронкайта[12 - Уолтер Кронкайт (1916–2009) – американский тележурналист, наиболее известный как ведущий вечерних выпусков новостей на канале «Си-Би-Эс» в 1962–1981 гг.], – объяснил он, словно оправдываясь. – Так захотели наши хозяева из корпораций. Обычно тут никого нет, но вам повезло, мисс Линдси: прошел слух, что марсианские ливни достаточно ослабли, чтобы руководители миссии «Посланник» смогли осуществить посадку именно в этот день. Это хороший шанс, чтобы показать вам, чем мы здесь занимаемся.

Салли посмотрела на своего отца.

– Ливневые дожди? На Марсе?

– Это не наш Марс, – сказал он. – Вот увидишь.

Рауп привел их в центральный зрительный зал с рядами скамей перед трибуной и стенами, где висели большие экраны. Аудитория была забита болтающими техниками и учеными типами. Прямо сейчас экраны на стенах были пусты, но маленькие мониторы с планшетами по всему помещению показывали увеличенные зернистые изображения. На них Салли увидела фрагменты пейзажей, серо-голубое небо, ржаво-красную землю.

– Ничего себе, – выдохнул Рауп, посмотрев на изображения, на этот раз совершенно искренне. – Похоже, у них получилось – они посадили «Посланника». Мы первый раз смогли это сделать, на этой копии Марса.

– «Посланника»?

– Это серия беспилотных космических аппаратов, – Рауп обратил ее внимание на печатные изображения на стене: живописные фото видов планеты, снятые из космоса. – Первые два «Посланника» облетели Марс, и мы получили эти снимки. А сегодня была первая настоящая посадка, необходимый этап для дальнейших пилотируемых миссий. Самые последние фотографии, в прямом эфире с Марса из Дыры!

– Да, но они взяли неправильный ракурс, – фыркнул Уиллис. – Небо там совсем не такого цвета.

Салли посмотрела на своего отца. Если эта посадка на Марсе была первой, то откуда ему это известно? Но она давно уяснила себе, что выпрашивать у него что-либо не стоит и пытаться.

– Понимаете, сам зонд – это на самом деле лишь тестовый этап, – ответил Рауп. – На данный момент мы просто отработали двигательную технологию. С помощью Дыры можно много чего сделать. Мы откатали многоступенчатую ядерную ракету – инерциальный термоядерный синтез, если вам знакома эта технология, – и с этими детишками мы доберемся до Марса за несколько недель вместо семи, восьми или девяти месяцев, в зависимости от противодействия...

Салли ничего не знала и не заботилась о ядерном ракетостроении, но фотографии привлекли ее внимание. На одной был изображен диск, по-видимому, весь Марс, вид из космоса – но это был не тот Марс, который она помнила по фотографиям НАСА с Базовой Земли. Этот Марс был линияло-розовый, с прожилками кружевных облаков и серо-стальными пятнами, поблескивающими на солнце: озера, океаны, реки. Жидкая вода – на Марсе, – видимая из космоса. И зелень – зелень, свидетельствующая о жизни.

– Я же говорил тебе, – сказал Уиллис. – Это другой Марс.

– Понимаете, вы видите Марс из вселенной Дыры. Вселенной, которая находится в одном шаге отсюда, – пояснил Рауп, вернувшись к своим отработанным интонациям. – Изображения передаются на Кирпичную Луну, нашу станцию в Дыре. У нас есть хитрая система передачи пакетов данных через переход на нашу базу здесь. Наш Марс – это замороженная пустыня. А этот Марс, Марс Дыры, что-то вроде Аризоны, только на большей высоте. «Посланники» подтвердили, что атмосферное давление там выше. По поверхности этого Марса можно ходить, вооружившись лишь защитной маской и солнцезащитным кремом.

На этом этапе запусков нам не повезло, что спускаемые «Посланники» прибыли посреди худшего сезона штормов, который нам доводилось видеть с начала наблюдений за Марсом из Дыры, лет за десять, а то и больше. Никаких пыльных бурь – здесь к вашим услугам дождь, снег, град и молнии. Контроллеры не

рискнули соваться в этот водоворот, и несколько недель камеры орбитальных аппаратов не отсылали назад ничего, кроме изображений молний. Но сейчас буря успокоилась, и планировщики миссии, очевидно, согласились пойти на посадку. Мы ждали лишь изображений, чтобы стабилизировать...

В этот момент техники и ученые возбужденно сгрудились вокруг телевизионных мониторов и планшетов. Изображение прямой трансляции прояснилось, как будто метель наконец выдохлась. Салли увидела бортик небольшого самолета, стоящего на поверхности, покрытой вроде бы мокрым красным песком, словно пляж, открывшийся после недавно отступившего прилива. Камера, судя по всему, была установлена на самом самолете: она ясно видела звезды и полосы, размашисто нарисованные на его корпусе.

Затем камера развернулась от него, показав неглубокую долину с бегущей речушкой и жесткой на вид серо-зеленой растительностью, облепившей берега. Живой Марс.

Очкарики, сидевшие вокруг, разразились радостными криками.

Салли с отцом и Раупом удалились в маленький буфет.

– Вот что, папочка, хватит с меня космических трофеев и туманных замечаний. – Салли посмотрела на своего отца и начала загибать на руке пальцы. – Значит, так, можно не по порядку. Объясни мне, зачем ты хочешь отправиться на Марс? Как собираешься туда добираться? И с какой радости я должна отправиться с тобой?

Он пронизательным взглядом смотрел на нее. Ему было уже семьдесят лет, и морщинистое его лицо выглядело так, будто обтянуто дубленой кожей.

– Я объясню кое-что. Самое основное. Я хочу попасть на этот Марс, Марс в Дыре, потому что это не просто Марс. И даже не потому, что это Марс с совершенно другим климатом. Это Долгий Марс.

Она задумалась.

– То, что ты сказал... Долгий Марс. Ты имеешь в виду, что там можно переходить?

Он утвердительно кивнул.

– Но как ты узнал?.. Нет, не надо, не отвечай.

– Есть кое-что особенное, что я ищу и ожидаю там найти. Потом увидишь. Но сейчас самое главное то, что если мир Долгий, то в нем должен содержаться разум. Разумная жизнь. – Он взглянул на нее. – Ты ведь понимаешь, что это значит? Теория Долгой Земли, сочетание сознания и топологии...

У нее отвисла челюсть.

– Так, стоп. Вернемся назад. Ты сбросил на меня свою очередную концептуальную бомбу. Разумная жизнь? Ты нашел разумную жизнь на Марсе?

– Не на Марсе. На одном из них. – Он выглядел раздраженным. – И не нашел, а сделал вывод о неизбежности ее существования. Ты всегда небрежно формулировала свои мысли, Салли.

Уязвленная, она инстинктивно хотела ответить ударом на удар, как делала всегда, с тех пор как стала достаточно взрослой и утверждала собственную индивидуальность. Ее ответ прозвучал провокационно:

– Мелланье бы с тобой не согласился. Насчет разума и Долгой Земли, что Долгий мир – это почему-то продукт деятельности сознания.

– А, этот мошенник, – он пренебрежительно махнул рукой. – Что касается того, почему ты должна пойти со мной... черт возьми, а почему нет? – Он оглянулся на умников в баре, шумно отмечающих свой триумф. – Только посмотри на этих головастиков. И я знаю тебя, Салли. Тебе ведь больше нравилось, как все было до Дня перехода, когда Долгая Земля принадлежала только нам, правда? Или, во всяком случае, Долгий Вайоминг. Пока я не придумал Переходник, я не мог переходить сам, для этого мне нужна была ты, но...

– Ты тогда читал мне. Истории о других мирах Толкина, Нивена и Несбит. А я притворялась, что это все там, куда мы направлялись...

Она замолчала. Ностальгия всегда вызывала у нее ощущение собственной слабости.

– А сейчас все заполнено охламонами вроде этих. Не в обиду тебе, Эл.

– Ничего страшного.

– Салли, я знаю, что ты и сейчас много времени проводишь одна. Неужели ты не хочешь попасть в новый мир, неосвоенный, пустой, не считая нас самих... ну ладно, нас и еще нескольких марсиан? Оставить на время человечество...

И Лобсанга, подумала она.

Рауп склонился вперед, потный и раздражающе назойливый.

– Что касается того, как нам туда попасть. Может быть, вам уже сказали, что космическая программа, над которой мы здесь работаем, развивается гораздо быстрее, чем на Земле. Конечно, мы можем опираться на все, что узнали они, и повторно это применить...

– Ближе к делу, шумоголовый.

– Дело в том, что мы готовы к полету. Первый пилотируемый космический аппарат на Марс. Он ожидает на Кирпичной Луне, в шаге отсюда, в Дыре. Мы хотели подождать, пока не получим подтверждения планетарных атмосферных условий и всего остального от этих автоматических спускаемых аппаратов. Но теперь, когда они у нас есть...

– Мы? А кто конкретно собирается в эту экспедицию?

Рауп выпятил грудь и приподнял свой здоровенный живот.

– В нашем экипаже будет трое, так же как в миссии «Аполлон». Ты, твой отец и я.

– Ты.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – вмешался Уиллис. – Но ни ты, ни я – мы не астронавты, Салли...

– Так же как и этот надувной шар. Пап, без вариантов – я не смогу провести несколько месяцев в жестяной коробке с этим парнем.

– У тебя есть альтернатива? – спросил Уиллис невозмутимо.

– Парень по имени Фрэнк Вуд тут еще болтается?

Глава 3

Захочет ли Фрэнк Вуд полететь на Марс?

В 2045-м Фрэнсису Полу Вуду, ВВС США (в отставке), шел шестьдесят второй год. А полететь в космос он мечтал с самого детства.

Ребенком он странным образом сочетал в себе спортивного фаната, инженера-любителя и мечтателя. Его воодушевляли родители и дядя, который писал о космических исследованиях и давал ему читать книги из своей библиотеки старой научной фантастики, от Азимова и Клемента до Кларка и Герберта. Но к тому времени, когда его мечты начали принимать реальные очертания, авария «Челленджера»[13 - Космический шаттл, потерпевший катастрофу во время запуска 28 января 1986 года, что привело к гибели семи членов экипажа.] уже успела войти в историю, случившись незадолго до того, как ему исполнилось два года.

Но он все равно шел вперед. И даже стал кандидатом в астронавты НАСА, получив повышение после активной службы в Военно-воздушных силах, – он был так близок к мечте. Но затем произошел День перехода, когда бесконечность миров открылась на расстоянии прогулки любого специально не экипированного человека и космические корабли превратились в музейные экспонаты. Так же

как и Фрэнк в свой тридцать один год. Он остался неприкаянным, погряз в ностальгии, без семьи, пожертвовав отношениями в угоду своей мечте о карьере. Неожиданно для себя он превратился в дядюшку, имевшего отношение к космической программе, и чемодан, набитый научно-фантастическими романами.

Обремененный ощущением упущенных возможностей, он потратил следующие несколько лет, болтаясь вокруг того, что осталось от мыса Канаверал, берясь за любую работу, которую мог найти. Но Канаверал, за исключением продолжающейся программы запусков беспилотных спутников, превратился просто в разрушающийся музей грез.

А затем открыли Дыру – место, где сочетание космических катаклизмов породило изъян в цепочке миров, которой была Долгая Земля, и новый путь выхода в космос. Несколько лет спустя Фрэнк, в свои пятьдесят, пришел туда, чтобы обнаружить целую толпу юнцов и «молодых душой» специалистов, увлеченно работающих над совершенно новым типом космической программы, основанной на совершенно новом принципе. Фрэнк с энтузиазмом погрузился в проект. Ему нравилось думать, что он привносит каплю мудрости и опыта в то, что на первых порах казалось каким-то бесконечным научно-фантастическим конвентом, а сейчас больше походило на Золотую лихорадку.

Затем на Базовой Земле взорвался Йеллоустоун, и Фрэнк, подобно многим другим – включая его нового друга Монику Янсон, которую он повстречал, когда Салли Линдси пришла освобождать угнетаемых троллей, – отложил в сторону свои проекты и отправился домой на помощь. Сейчас Моника уже давно мертва, и Базовая Земля вернулась к некоему подобию равновесия – ну, или по крайней мере люди перестали умирать в тех же количествах, что раньше, – и Фрэнк почувствовал себя вправе вернуться к отложенным мечтам. Обратно в Дыру.

А теперь в его жизни снова появились Салли и ее отец – с потрясающим предложением для него.

Захочет ли Фрэнк Вуд полететь на Марс? Да, черт возьми!

Они принялись за работу.

Глава 4

За пределами Мэдисона, Запад-5, в невзрачной мастерской, принадлежащей филиалу Корпорации Блэка, Лобсанг – или, вернее, его передвижной модуль, одна из инкарнаций Лобсанга – чинил «Харлей» сестры Агнес. Он увлеченно возился с ним, закатав рукава, с пятнами масла на руках, лбу и старом грязном комбинезоне и одновременно в своей привычной путаной манере рассказывал Агнес о мировом положении дел.

Агнес, укутавшись от колючего холода висконсинской зимы, была рада слушать его, рада сидеть рядом и смотреть – и в то же время думать. Был декабрь 2045 года, через четыре года после извержения Йеллоустоуна, миры человечества если и не излечились окончательно, то хотя бы стабилизировались, поэтому для Агнес и остальных настало время покоя. И моменты вроде этого давали ей время подумать о себе. Снова побыть собой, спустя семь лет после удивительной реинкарнации. В эти дни она с трудом вспоминала даже свое имя. Она была сестрой Агнес столько, сколько себя помнила, и прямо сейчас была уверена, что до сих пор остается ею.

Не то чтобы ее часто мучили сомнения теологического толка. Сестра Агнес едва ли могла пожаловаться на свое новое воплощение, созданное Лобсангом. Она снова была быстрой и ловкой в этом чудесном искусственном теле, в которое загрузили ее воспоминания. Конечно, подвергнуться реинкарнации всегда было чревато расстройством для приличной католической девушки, поскольку подобному не было места в ортодоксальной теологии. Однако она всегда придерживалась старинного принципа, согласно которому лучший путь творить добро расстилался прямо перед ней, поэтому отбросила сомнения прочь. Может быть, у Бога была новая миссия для нее в этом новом теле, сделанном при помощи технологий. Почему бы Ему не воспользоваться такими инструментами? И, в конце концов, быть живой и здоровой, несомненно, гораздо лучше, чем быть мертвой.

Но между тем что делать с Лобсангом? В этом преходящем мире он был чем-то вроде воплощения Бога; богом технологий, воспроизводящим себя во все более и более сложных копиях; существом, чье сознание могло летать по всему электронному миру и которое могло даже разделять себя, что позволяло ему быть во множестве мест одновременно. Существо настолько всезнающее, каким не был ни один обычный человек. Агнес нравилось слово «уловить». Для нее это

было отличное слово для обозначения полного понимания. Ей казалось, что Лобсанг пытается «уловить» весь мир, целую вселенную и понять, в чем заключается роль человеческой расы в этой вселенной.

Но, несмотря на все это, Лобсанг оставался в здравом уме, причем настолько могучем, что тот, казалось, пылал! Что же до его характера, то Лобсанг сделал немало добрых дел – особенно учитывая, что он имел массу возможностей натворить бед, если бы захотел. И насколько она могла видеть, у него была душа (что бы там ни говорили богословы) или, по крайней мере, ее совершенное факсимиле. Если он был подобен богу, то это был добрый бог.

Но Агнес вынуждена была признать, что Лобсанг в чем-то похож на Иегову: оба были мужчинами и оба – гордцами. Лобсанг любил внимание. Он был умен, вне всяких сомнений, исключительно умен, но хотел, чтобы его ум оценили. Поэтому он искал соратников вроде Джошуа Валиенте или Агнес – ему хотелось, чтобы исходящий от него свет сиял на их удивленных лицах.

И все же эта новая эпоха после извержения была трудной даже для Лобсанга. Не физически, как это происходило с голодающим и обездоленным человечеством, а в каком-то ином, более тонком смысле. Возможно, духовном.

Агнес не знала, почему именно. Возможно, потому, что он был не в состоянии ничего сделать, чтобы предотвратить Йеллоустоунскую катастрофу. Лобсанг мог наблюдать за Йеллоустоуном только глазами геологов, а тех отвлек странный феномен возмущений в последовательных копиях Йеллоустоуна на Ближних Землях, ни одно из которых не могло сравниться с наступившим затем извержением на Базовой. Наверное, это не могло смягчить чувство вины считавшего себя пастырем человечества – доверенным лицом, которое заботится о тех, кто оставлен Богом, как он ей однажды сказал.

Или, возможно, в том, что катастрофа, которая обрушилась на Базовую Землю, и особенно на Базовую Америку, неизбежно пробила дыру в инфраструктуре силиконовых хранилищ памяти, оптоволоконных сетей и спутниковых линий связи, поддерживающих самого Лобсанга.

А может быть, Лобсанг просто по-своему старел. В конце концов, никто не знал, что может произойти с искусственным интеллектом в процессе старения, когда его оболочка, железо и софт превращаются в слои неизбежно устаревающих

технологий – обрастающих, словно коралловый риф, по выражению Лобсанга, – и когда его сложное внутреннее устройство становится все более запутанным. Подобного эксперимента никто ранее не проводил.

Неудивительно, что Лобсанг иногда заговаривался, как расстроенный и огорченный старик. Что ж, Агнес было не привыкать к расстроенным и огорченным старикам: их было предостаточно в структуре Церкви.

Вероятно, именно поэтому она была здесь. Лобсанг вернул ее из могилы, чтобы она стала ему своего рода соперником, противовесом его амбициям. Да, давным-давно она сама называла себя его соперником, даже если ее роль была по большей части конструктивной. Однако сейчас она была... кем? Другом? Да, безусловно, но также его поверенной и нравственным ориентиром – последнее было особенно трудным, поскольку стрелка ее собственного компаса имела тенденцию вращаться, словно флюгер во время урагана.

Как вообще она допустила самую возможность быть в каких-либо отношениях с таким существом? Пожалуй, она этого не знала, но, кажется, теперь начинала понимать. Она полностью верила в себя и не унывала. Она справится. Всегда справлялась.

– Только представь, – говорил он сейчас. – Человечество летало на Луну, и ты не можешь не согласиться, что это было знаменательное событие. В конце концов, какое еще создание смогло выйти за пределы планеты? И что же потом сделал наш *Homo sapiens*? Снова вернулся домой! Притащил с собой несколько коробок камней и самодовольно объявил себя повелителем вселенной...

– Да, дорогой, – ответила она автоматически.

– Ты должна согласиться, что такой вид заслуживает, чтобы его вытеснил другой, более достойный.

– Если ты так считаешь.

– Почти закончил. У меня есть немного чая в термосах. «Эрл Грей» или «Леди Грей»?.. Над чем ты смеешься?

– Над тобой, – она постаралась выглядеть серьезной. – Твой резкий переход от рассуждений о том, что человечество заслуживает искоренения, к вежливому вопросу, не хочу ли я чего-нибудь такого же веселого и обыденного, как чашечка чая! Слушай, я понимаю все, что ты мне говоришь. Человечество очень недалекое. Потребовалась высадка на Луну, чтобы большинство людей поняли, что собой представляет Земля: круглая, конечная, драгоценная и подвергающаяся опасности. Мы не в состоянии организовать даже ради ириски. Но не демонстрирует ли человечество больше здравого смысла в этот запоздалый час? Посмотри, мы ведь достойно справились с Йеллоустоунским извержением – как мне кажется.

– Хм-м... Может быть. Хотя я вижу некоторые намеки на то, что нам слегка помогли.

Она возразила ему:

– Ой, не будь таким загадочным, Лобсанг, это раздражает. И я не соглашусь, что мы не можем измениться... измениться и вырасти. Уж поверь мне, я не раз встречала чудесных взрослых, выросших из трудных подростков. Потенциал есть в каждом. И честно говоря, если взять всю твою чушь про то, что мы обречены на вытеснение, то я не вижу вокруг претендентов на это. И как они, по-твоему, объявятся? Мы услышим стук сапог?

– Дорогая Агнес, я знаю, ты любишь преувеличивать ради пущего эффекта, но делу этот прием не помогает. Нет, не стук сапог. Что-то большее – и полезное. Вот я снова говорю загадками. Представь себе что-то более утонченное, медленно, осторожно и незаметно подкрадывающееся, но не злое, и да, организованное лучше, чем Homo sapiens когда-либо могли бы...

Тут его голос затих, и выражение лица изменилось, будто его позвали откуда-то издалека.

Она уже привыкла к подобному. Он рассказывал ей о параллелизации – понятии, о котором она не слышала до своей реинкарнации. Под ним она подразумевала работу над несколькими задачами сразу или разделение одной большой задачи на меньшие, которые велись одновременно. Не то чтобы ее это особенно впечатлило. В конце концов, она занималась этим всю свою жизнь, только и думая о том, как приготовить ужин и в то же время о сопливых носах, о том, как

научить беспокойных детишек общению, как написать очередное гневное письмо епископу, еще и добавив в эту бурлящую смесь случайную молитву. Кому не приходилось работать так каждый день своей занятой жизни?

Однако это позволяло ей понимать, когда он вот так отключался. Ведь, по его же словам, он правил ход событий в мире.

Наконец Лобсанг вернулся к реальности. Он не стал рассказывать, что его отвлекло, и Агнес решила не настаивать.

Он встал, вытянув спину и потеряв ладони.

– Что ж, готово. Правда, это временно. Знаешь, я мог бы сделать этот байк самым безопасным в мире. Чтобы никаких заносов и ни малейшей опасности для тебя... что скажешь насчет этого?

Агнес задумалась перед тем, как ответить.

– Не сомневаюсь, что ты можешь, Лобсанг. Я очень впечатлена, честное слово. И тронута. Но знаешь, мотоциклы вроде «Харлея» не хотят быть совершенно безопасными. У таких машин появляется то, что можно назвать душой, тебе не кажется? И нужно позволить этой душе проявить себя, а не ставить ей подножку. Пусть металл будет горяч, а мотор голоден...

– Что ж, тогда вот твой байк с голодным мотором. – Он пожал плечами. – Пожалуйста, управляй им осторожно – но, Агнес, это всего лишь мое пожелание.

Поэтому она аккуратно выкатила байк из маленькой мастерской и повела его через еще не слишком загруженный трафик этого последовательного мира, пока не достигла открытой местности, где позволила машине показать себя. Ветер был сильный, но едва стоило унести прочь от пугающей индустрии этого молодого города – современных сатанинских мельниц, укрытых временными заборами и рекламными объявлениями, – впереди открывался лучший мир, где воздух чище, а мысли менее печальны. Сквозь рев «Харлея» она пела песни Джони Митчелл[14 - Джони Митчелл (р. 1943) – канадская певица и автор песен в жанрах фолк-рок, джаз, поп.], следуя черным лентам дорог вдоль снежных

берегов заледеневших озер Мэдисона, Запад-5.

Когда она вернулась назад, Лобсанг сообщил ей, что Джошуа Валиенте вернулся домой.

– Я должен его увидеть, – решительно заявил он.

– Но Лобсанг, – вздохнула Агнес. – Возможно, Джошуа не так сильно жаждет с тобой увидеться...

Глава 5

Отлет экспедиции «Армстронга» и «Сернана» с площади Капитолия, Мэдисон-Запад-5, был обставлен как в кино, не без гордости подумала капитан Мэгги Кауфман.

Она стояла здесь со своей командой, выстроившейся, как на параде, перед ступенями Капитолия под ясным голубым небом, какое бывает в январе на Ближней Земле. Стояла прохлада, зато в воздухе, к счастью, не ощущалось смога и пепла Базовой Земли. Перед деревянным фасадом здания был установлен президентский подиум. Все это создавало типичный для середины XXI века вид с парящими камерами и трепещущим голографическим флагом из звезд и полос Америки и ее последовательной Эгиды.

Несколько гостей на сцене ожидали, когда появится сам президент, как он сделал это во время последнего своего выступления в новой столице. Среди них присутствовали адмирал Хирам Дэвидсон, командующий ДолАм, военным подразделением Долгой Земли, и вышестоящий начальник Мэгги. Рядом с ним стоял Дуглас Блэк, невысокий, мрачный, плешивый, словно лысуха, в крупных солнцезащитных очках. Блэк был «близким другом» президента и, как судачили некоторые сайты, его «доверенным советником». В переводе это означало: «его денежным мешком». Он вроде бы никогда не пропускал подобных мероприятий. Но так уж повелось в мире, и началось это задолго до Йеллоустоуна и Дня перехода.

Там же стояла и Роберта Голдинг, совсем молоденькая, очень худая, очевидно, очень умная и теперь уже довольно известная девушка, взлетевшая от интернатуры до места на президентской «кухне» буквально за несколько лет. Когда-то она отправилась вместе с китайцами в их Дальневосточную экспедицию как западный студент в рамках какой-то из программ по обмену учащимися. Тогда ей было всего пятнадцать, и это стало ступенькой в ее дальнейшей эффектной карьере. Голдинг работала с Натаном Боссом, старпомом Мэгги, как советник по планированию отправляющейся сегодня экспедиции. И Мэгги считала, что Роберта заслужила свое место на сцене.

Вокруг этой группы собрался привычный аппарат президентской службы безопасности, включая жужжащих над головами дронов, размещенных по периметру подиума тяжеловооруженных и бдительных морпехов – некоторые из них время от времени переходили в соседние миры, проверяя их на предмет возможной угрозы. За ними шли ряды полиции, военные и гражданские охранники держали толпу на почтительном расстоянии от эпицентра происходящего. Но все эти толпы и близко не могли сравниться с теми, которые собирались когда-то в подобных случаях в Базовом Вашингтоне, округе Колумбия, подумала Мэгги. Зрители были одеты по большей части в подобающую молодому колониальному городу одежду: комбинезоны и практичные пальто вместо костюмов, самодельные мокасины и ботинки вместо фабричных кожаных туфель. Среди собравшихся можно было увидеть много, очень много маленьких детишек. После Йеллоустоуна, точнее даже задолго до этой великой разделительной линии в истории, в последовательных Америках произошел бум рождаемости, а сейчас многодетные семьи поощряла еще и политика Каули с ее дотациями и налоговыми льготами.

А позади толпы вдаль тянулся небрежно раскинувшийся новый Мэдисон. Между широкими проспектами и развернувшимися стройками Мэгги могла увидеть весь путь до озер, определявших расположение Мэдисона во всех последовательных мирах, – их спокойная ледяная белизна сверкала под низким январским солнцем, лишь изредка подергиваясь голубой рябью. Согласно обширному, элегантному и современному плану городской застройки, завещанному этому последовательному поселению отцами-основателями, изящные новые здания, обслуживающие поток прибывших сюда политиков и клерков, соседствовали с более практичными строениями вроде конюшен, стоявших всего в сотне ярдов от самого Капитолия. Это было лишь малое подобие Базовой Земли из доядерной эпохи. Но оно явило собой притягательный сплав американских традиций, старых и новых.

Никто не завидовал Брайану Каули и его противоречащему конституции третьему, как у Рузвельта, сроку. Общественное мнение сошлось на том, что, какими бы мутными ни были процессы, впервые вытолкнувшие Каули на эту должность в 2036 году – когда он возглавлял деструктивное и противоречивое антипереходное движение «Друзья человечества», – он прочно обосновался на вершине, и теперь благодаря его усилиям последствия суперизвержения стали сходить на нет. Несменяемость власти в условиях продолжающегося кризиса была благом, а других кандидатов, которые сделали бы его работу лучше, просто не нашлось – и во время живых телеэфиров все видели, какое огромное бремя несет на себе Каули, стареющий буквально на глазах. Его неофициальным лозунгом стало выражение: «Никто не страдает больше, чем я».

Но, известный своей страстью играть на публику, он был только рад обставить все как представление.

– Что он собирается делать? Ждать, пока мы все разойдемся? – прошептал Мэгги Джо Маккензи, пока они стояли, ожидая в собравшейся толпе.

– Не преувеличивай, Мак. Это все шоу. Я имею в виду экспедиция «Армстронга» и «Сернана». И к тому же оно чертовски дорогое. Нам пришлось ждать этого годы, пока мы работали над восстановлением после Йеллоустоуна. Ты не можешь винить Каули за то, что он растягивает момент – для него в этом весь смысл происходящего.

– Хм-м, – скептически отозвался Мак и с кислым выражением лица оглянулся на экипажи двух судов из маленькой эскадры Мэгги. – Замечательная экспедиция.

Мэгги видела своих людей его глазами: экипажи ВМС и отряды морпехов, усиливших команду своими мускулами. Среди них находился капитан Эд Катлер, которого все члены старой команды Мэгги однажды на Вальгалле видели убегающим в приступе безумия. Стояла рядом и небольшая группа китайцев в их странной, плохо сидящей униформе – не подлежащий возврату подарок (в порядке дружбы, сотрудничества и прочего), ставший частью сделки по передаче современных китайских «переходных» технологий для новейших кораблей ВМС США.

Было там и три тролля – маленькая семья в наручных повязках, указывающих на то, что они присутствовали в качестве кооптированных членов команды Мэгги.

Они были явно недовольны тем, что застряли на Ближней Земле, в мире, насыщенном человеческой вонью и своеобразным психическим давлением, которое обычно заставляет троллей держаться подальше от крупных человеческих популяций. Но все же они были здесь, и Мэгги испытывала чувство удовлетворения от их преданности.

Однако Джо Маккензи это мало тронуло. Дожив до шестидесяти, Мак, ветеран, отработавший слишком много лет в городских службах неотложной помощи и военно-полевой хирургии, превратился в ходячее воплощение цинизма, подумала Мэгги, – но даже если бы ей приходилось выбирать, она отправилась бы в эту экспедицию именно с ним. Сейчас он стоял с каменным выражением лица.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Мэгги.

– Неужели?

– Что за гребаный цирк?

– Это еще мягко сказано.

– Слушай, Мак, эта экспедиция, она как бы... сложная. Мы несем на себе бремя символизма. Формально наша цель – пройти в последовательные миры дальше, чем какой-либо корабль до этого, включая даже те китайские суда до Йеллоустоуна. Но более глубокий смысл в том, что мы станем наглядной демонстрацией восстановления Америки, мы покажем, что американцы способны на большее, чем просто перелопачивать пепел. Мак, мы войдем в историю.

– Или сгорим.

– И ты, как всегда, будешь там лечить наши раны.

– Слушай, Мэгги, я знаю, я старый сварливый ублюдок. Но насколько я понимаю, все эти заявления о судьбоносности для Америки – полная чушь. Истинная цель Каули точно такая же, как несколько лет назад, когда мы отправились на «Франклине» к Вальгалле, где вспыхнул бунт. Распространить федеральную

власть по всему протекторату. Напомнить всем этим нахальным колонистам и аборигенам, кто здесь босс. И как я сам абсолютно убежден, единственная стоящая цель нашей миссии – это узнать, что случилось с командой «Армстронга-1».

– Справедливо. В любом случае рада видеть тебя на борту. И, между прочим, я беру с собой кошку.

– Проклятье, Мэгги! – он вспыхнул. – Почему бы тебе просто не воткнуть мне булавки в глаза?!

Внезапно на площадь с небес упали тени. Мэгги посмотрела вверх, прикрыв глаза рукой. Ровно в зените, прямо над их головами, появились три воздушных судна.

Два новых корабля ВМС США, «Нейл Армстронг-2» и «Юджин Сернан», казались китами в небесном океане. Их предшественники, в том числе старый корабль Мэгги «Франклин», основывались на технологии коммерческих твенгов Долгой Миссисипи и размерами были чуть меньше почтенного «Гинденбурга»[15 - Жесткий дирижабль, построенный в 1936 году в Германии и ставший крупнейшим воздушным судном своего времени. В длину достигал 245 метров, в диаметре – до 41 метра.]. Новый «Армстронг», как и его собрат, был почти в полтора раза длиннее – больше тысячи футов от носа до кормы, не считая выступающих антенн и массивного хвостового оперения с компактными реактивными двигателями. Экипаж любил хвастаться тем, что его огромная оболочка может целиком поглотить старый «Франклин», хотя это было не совсем правдой.

А вот что касается «Сернана», то этот корабль точно побил рекорд как самый большой летательный аппарат со времен старичка «Гинденбурга». Мак советовал Мэгги не хвалиться этим слишком громко, поскольку «Гинденбург» все-таки был построен нацистами, а в конечном итоге вообще разбился и сгорел... Когда Мэгги сосредоточенно изучала технические детали в процессе разработки проекта и строительства корабля, она казалась ребенком в магазине игрушек. Теперь же ее сердце переполняла гордость от того, что она будет командовать такими великолепными судами.

Между ними, появившись синхронно в то же мгновение, висел маленький, но такой же крепкий на вид кораблик с бело-голубым корпусом и гордой президентской эмблемой, красующейся на боках и хвосте. Более известный как «Борт номер один», это был личный президентский твен, оцетинившийся вооружением и броней. И по слухам, роскошно обставленный внутри.

Сопровождаемый гулом мощных двигателей и воздушных волн и аккуратно лавируя, твен спустился к зданию Капитолия. Затем в его днище открылся люк, и прямо на сцену плавно опустилась лестница.

По трапу сошла легко узнаваемая фигура Каули, со всех сторон окруженная телохранителями. Оркестр заиграл «Славу вождю»[16 - Традиционный марш, исполняемый при встрече президента США.], и глазающая толпа по ту сторону периметра разразилась радостными аплодисментами. Каули прошел вдоль шеренги высших чиновников, обменявшись рукопожатиями. Внешне он выглядел как страдающий избыточным весом человек в мятом костюме.

- Ты только посмотри на него и на Дугласа Блэка, - хмыкнул Мак. - Это не рукопожатие, это какой-то обмен ДНК. Мистер президент, что же вы на людях-то?

- Ладно тебе, Мак. Ходят слухи, что именно Блэк спонсировал строительство этих кораблей, всю эту гребаную экспедицию. Не нужно завидовать его минуте славы.

- Да, но он, очевидно, спонсировал заодно и организацию этой минуты...

Наконец Каули подошел к микрофону и улыбнулся собравшейся перед ним толпе.

- Мои дорогие американцы и люди планеты Земля - всех планет Земля...

Он всегда обладал легкой, изящной манерой прирожденного оратора - вся его карьера основывалась на этом навыке. А когда его взгляд скользнул по ней, Мэгги ощутила пусть легкий, но прилив гордости. Каким бы засранцем этот тип ни был в прошлом и, быть может, оставался до сих пор, но все же он был президентом, занимал самую высокую должность - и после Йеллоустоуна Каули доказал, что среди его предшественников встречались куда более худшие

примеры.

Каули поднял взгляд на новые твены, парящие над Капитолием.

– Какие красивые новые корабли, да? Продукт технической изобретательности Америки, великодушия наших людей и зарубежных партнеров. – Он указал на них. – «Нейл Армстронг». «Юджин Сернан». Я уверен, что вы с детства знаете первое из этих имен. А что же второе?[17 - Юджин Сернан (1934-2017) – американский астронавт, участник двух полетов программы «Аполлон». Последний человек, ступавший на поверхность Луны.] Держу пари, вы выяснили, что оно означает, перед тем как прийти сюда. – По толпе прокатилась рябь смеха. – Как видите, имена вполне подходящие. И я хотел бы, чтобы вы думали об отправляющейся сегодня экспедиции как о проекте «Аполлон» нашего поколения. Это наша высадка на Луне – и черт возьми, позвольте мне сказать, обошлась она нам гораздо дешевле!

Получив в награду еще немного благожелательного смеха, он упомянул также ранних героев-путешественников – Льюиса и Кларка, которые по указанию президента Джефферсона отправились изучать население и ресурсы обширных территорий, приобретенных молодой Америкой у Наполеона в Луизиане, и разведать путь к побережью Тихого океана. Теперь капитану Мэгги Кауфман, подобно Льюису и Кларку, предстояло повести свои корабли на Запад, в отдаленные пределы Долгой Земли, чтобы исследовать копию Америки, наносить их на карты, входить в контакт и устанавливать протекторат.

– Во время предвыборной кампании он был Рузвельтом, – рыкнул Мак. – Теперь стал Джефферсоном. Считает себя великим, да?

– Они отправляются, чтобы узнать, что там находится, – звонко произнес Каули. – И уйдут не на два миллиона шагов, как Джошуа Валиенте пятнадцать лет назад, и не на двадцать миллионов, как великая китайская экспедиция пять лет назад. Их цель лежит в двухстах миллионах Земель отсюда и даже дальше. Они будут картографировать, регистрировать, изучать и устанавливать флаги. Они выяснят, есть ли там кто-то еще. И расширят границы Америки, нашей великой нации так далеко, насколько это вообще возможно. И, если это в человеческих силах, вернут домой исчезнувшую команду «Нейла Армстронга-1», от которой уже годы нет вестей...

В толпе раздались аплодисменты и возгласы.

– И это говорит человек, – кисло пробурчал Мак, – который называл переходящих людей демонами из дьявольской свиты, а то и вообще недочеловеками.

– Мы все делаем ошибки, – прошептала ему Мэгги улыбаясь.

Каули стал более задумчив:

– Наша нация перенесла огромный удар. Мы все это знаем – только самые молодые из нас не помнят времена до Йеллоустоуна, которые мы сравниваем с лишениями настоящего. Что же, мы воспрянем, когда мощь и ресурсы новых миров Долгой Земли придут на помощь старой...

Теперь ему пришлось постараться, чтобы его услышали сквозь шквал вполне ожидаемых аплодисментов.

– Настало время очнуться после катастрофы. Время собраться вместе, восстановить свои силы. Время, о котором будут помнить, сколько будет существовать человечество. Я говорю вам, молодым, собравшимся передо мной: отправляйтесь на этих прекрасных небесных ковчегах. Отправляйтесь в новые миры, которыми одарил нас Господь. Отправьтесь туда и создайте новую Америку!

На этот раз даже молча слушавшие военные взорвались аплодисментами и стали подбрасывать в воздух фуражки.

– Ну что, Мак, готова поклясться, я вижу скупую слезу на твоей седой щеке.

– Он всего лишь балабол. Но, черт возьми, он хорош!

Глава 6

В первые дни путешествия по Долгой Земле на Запад от Базовой Мэгги дала своему экипажу время приспособиться к новым кораблям, неторопливо продвигаясь всего на один шаг в секунду, то есть не быстрее коммерческих твенгов.

Себе же Мэгги доставляла удовольствие тем, что ходила на осмотры судна в сопровождении главного механика Гарри Райана.

Экипаж настаивал на том, чтобы называть обитаемый отсек «Армстронга» гондолой, хотя на самом деле он не был подвешен под фюзеляжем, как на старых кораблях, а полностью находился внутри оболочки и представлял собой двухъярусный блок, встроенный спереди в центральную часть корабля и окруженный огромными подъемными капсулами. Такая внутренняя архитектура делала судно более обтекаемым, и в результате «Армстронг» выглядел изящно, как птица. Но довольно крепкая птица: нижний корпус, где располагались грузовые отсеки и отделения для погрузки и наземных операций, был защищен кевларовой броней – жестким слоем, усеянным отверстиями для сенсоров и оружия.

Сама гондола тянулась в глубь корпуса от рулевой рубки и каюты Мэгги, находившейся на носу судна, и предоставляла достаточно простора для девяти членов экипажа и пассажиров, которые могли здесь жить и работать. На верхней палубе, ограниченной смотровыми площадками, располагались каюты экипажа и такие удобства, как камбузы, столовые, тренажерные комнаты, научные и медицинские лаборатории. Нижнюю палубу занимали по большей части склады и хранилища предметов жизнеобеспечения.

Изнутри гондола больше всего напоминала Мэгги интерьер подводной лодки. Металлический корпус (не из стали и не из железа, конечно), герметичные внутренние отделения, бронированные люки и самовосстанавливающиеся системы поддержания жизнедеятельности – все это было бесконечно далеким от вычурных гондол крупных коммерческих твенгов, которые до сих пор курсировали по Долгой Миссисипи между Ближними Землями и Вальгаллой со своими панорамными окнами и обеденными столами из твердого дерева. Если ранние экспедиции на чрезвычайно Долгую Землю и научили человечество чему-то, так это тому, что полагать, будто те же условия, что на Базовой, будут везде, – нельзя. Джошуа Валиенте сам в этом убедился, когда его корабль угодил в Дыру – мир, в котором мира как такового не было. Поэтому гондолы «Армстронга» и «Сернана» были спроектированы таким образом, чтобы

выдерживать предельные температуры и давления, а также обеспечивать экипажи воздухом и водой чуть ли не бесконечно долго, какими бы ужасами ни изобиловала внешняя среда.

Мэгги бродила по кораблю вместе с Гарри, в том числе за пределами гондолы. Она заходила в необъятную нижнюю часть фюзеляжа, внутри алюминиевого каркаса, карабкаясь по лестницам и вдоль мостков в слабом дыму, который в таком просвечивающем корпусе был в порядке вещей. На корабле не было балласта – он поднимался за счет работы огромных искусственных легких, которые подкачивались гелием из сжатых хранилищ. Всего он был способен поднять свыше шестисот тонн.

Энергию для корабля вырабатывал компактный термоядерный реактор, находившийся на несущем каркасе в районе кормы – на приличном расстоянии от обитаемых отсеков, чтобы снизить риск радиоактивного заражения. К тому же он таким образом уравнивал гондолу. Само моторное помещение, тяжелобронированное и защищенное, было устроено так, чтобы выдержать даже крушение на высокой скорости.

На самой вершине фюзеляжа находились оборудование для наблюдений, антенны, небольшая атмосферная лаборатория, беспилотники и даже модули запуска космических наноспутников, а также «обсерватория-пузырь», из которой открывался потрясающий вид на весь «Армстронг», от носа до кормы.

Проводить такие осмотры было подлинным удовольствием. О, на обоих судах хватало мелких технических накладок, требовавших вмешательства. Но чинить их тоже было чуть ли не весело по сравнению с решением проблем, состоящих из плоти и крови пассажиров.

В отличие от «Франклина» с его относительно немногочисленным и сплоченным экипажем, состоящим из служащих ВМС, в этой экспедиции на обоих кораблях находилось и достаточно гражданских, чтобы заполнить небольшой университет, охватив такие науки, как география, астрономия, этнография, климатология, минералогия, ботаника, орнитология, зоология, космология. А умными людьми всегда было труднее командовать.

Взять для примера хотя бы проблему троллей.

Мэгги уже пять лет держала у себя на борту семейство троллей, потому что они были полезны. На Долгой Земле тролли эволюционировали, а благодаря своему «долгому зову» были на связи со своими собратьями в последовательных мирах. Они также могли гораздо раньше, чем люди, чувствовать приближение опасности – например, угрозу Джокеров, аномальных и враждебных миров в цепочке Долгой Земли. Плюс тролли были весьма способны и при выполнении разного рода тяжелого физического труда. Плюс само их присутствие создавало ощущение многообразия и благожелательности, которое, по мнению Мэгги, было важно для их широкой миссии – быть послами главной нации и нести ее ценности в дальние колонии Долгой Земли. И плюс это, черт возьми, был корабль Мэгги, и здесь ее слово считалось законом.

Но тем не менее у некоторых членов экипажа с ними возникали проблемы. От троллей воняло, они громко шумели, были опасными животными, которые свободно разгуливали в определенных участках корабля, и далее в этом духе. Но Мэгги придумала, как это уладить. Гардемарина Джейсона Санторини она знала много лет – он не был карьеристом, но обладал здравым умом. Она поручила ему организовать культурные мероприятия с участием троллей – такие, как громкое хоровое пение, например. Он разработал краткую программу, которая показывала, какими полезными были тролли на «ФранкLINE». И даже придумал ограничить этим вечером доступ к троллям, предпочитавшим жаться в углу обсервационного салона и петь, подпуская к ним только победителей конкурсов. Моряки и военные любили соревноваться сами по себе – значит, все, за что предлагалось побороться, должно было того стоить, верно?

Она поняла, что проблема троллей решена, когда увидела многоголосый хор летчиков и морпехов, к которому в обсервационном салоне присоединились тролли, певшие сладкую, глупую песенку о том, как им хорошо, как им плохо, как им радостно, как грустно...

Но была еще проблема с китайцами.

Через несколько дней после этого главный механик Гарри Райан попросил Мэгги спуститься в особенно экзотический инженерный подотсек – «отдел искусственного интеллекта». Здесь в кубках с гелем, производимым Корпорацией Блэка, опутанные оптоволоконными проводами, содержались спящие искусственные разумы, которые контролировали большинство функций судна и играли ключевую роль в перемещении «Армстронга» по новым мирам – ведь

только разумные существа могли переходить. Мэгги, которой, прежде чем ей позволили сюда войти, пришлось соблюсти стандартные процедуры для поддержания чистоты, это место казалось слегка пугающим. О чем все эти умы вокруг думали прямо сейчас? Осознавали ли они ее присутствие? Возмущались ли тем, что их заставляли работать ради ее целей?

– Капитан?

– Гарри, прости. – Она пыталась сосредоточиться на том, что говорил главный механик. – Ты говорил о...

– Билле Фэне.

– Ах, да.

– Слушай, может, этот парень и заправлял у себя на «Чжэнь Хэ».

– Более чем, это точно. Он был одним из конструкторов всего этого. Усиленной технологии перехода, которую они передали нам для совместного развития.

– Да, может, и так. Серьезная шишка у себя дома. И хорошо говорит по-английски...

– У него мама из Лос-Анджелеса. Поэтому и зовут Биллом.

– Да, я тоже слышал. Но, капитан, он сует свой нос куда ни попадя. Ему прямо нужно быть на каждом испытании элементов, на каждой обычной разборке, на каждом совещании, при каждой передаче...

– И он всегда в твоём моторном помещении.

Гарри был крупным мужчиной с руками размером с тролльи, отчего казалось невозможным, что он способен выполнять ими щепетильную работу со своими драгоценными двигателями.

– Дело в масштабах всего этого, капитан. Слушайте, я знаю, что вы думаете. Я говнюк, который не хочет никого подпускать к своей территории. Просто...

– Вовсе нет. Это твой участок. Мне только нужно, чтобы ты управлял им так, как хочешь. И если капитан Фэн сюда вмешивается, значит, у нас обоих возникла проблема. Но с другой стороны, Гарри, он прошел на кораблях этого нового типа через двадцать миллионов миров – и это только в миссиях, о которых мы слышали, а может, были и секретные. Он может быть полезен. И еще: ты знаешь, как устроены дела на Базовой Земле. У тебя там семья. Все знают, как сильно нам помогли китайцы. Лекарствами, продуктами, даже зимней одеждой.

– Так все дело в политике? Китайцы нам помогают, а мы все должны им кланяться?

– Нет, – строго возразила она, – и если вы будете так выражаться, капитан Райан, я понижу вас до механика, честное слово! Гарри, нам нужно быть снисходительнее. От этого мы не станем менее американцами. В этом моторном отсеке по-прежнему ты главный – точно так же как я главная на этом судне. Слушай, давай вернемся к работе, переспим с этими мыслями и не будем вешать нос. Мы со всем справимся.

Он вышел, пусть и не в лучшем расположении духа.

Недовольная, Мэгги той ночью решила отдохнуть с экипажем и позволила угостить себя парой кружек пива, понаблюдать за перемещениями китайских гостей и остальных членов команды. Конечно, они были совершенно разными как личности и, как все и всегда, здорово отличались друг от друга. Но было очевидно, что атмосфера стояла не совсем здоровая.

На следующее утро она связалась со старшим китайским офицером на корабле, командующим ВМС, и внесла ему простое предложение.

Утром следующего дня она уже разговаривала с лейтенантом Ву Юэ-Сай. Ву была разумной тридцатилетней женщиной, которая мечтала отправиться в космос и хорошо себя проявила в проекте «Восток-20000000» – в частности, обеспечивая взаимодействие с англоязычными гостями миссии. К обеду Ву приступила к новым обязанностям в роли «посредника» в моторном отсеке Гарри Райана.

Мэгги испытывала за это благодарность, так как с тех пор о каком-либо напряжении у механиков не было слышно. И возможно, от этого критического узла спокойствие теперь могло разлиться и по остальным частям корабля.

Мэгги относилась к числу тех командиров, которые считали, что проблемы следует решать как можно более естественным образом, а не средствами диктатуры. И чаще всего так и получалось. А если до кого-то что-то не доходило, этого человека всегда можно было посадить на корабль домой, где его ожидало переназначение.

Но когда старший помощник Мэгги, капитан Натан Босс, попросил встречи с ней, он хотел поговорить не о троллях, не о китайцах. На это и обратила внимание ее кошка.

- Ну и что?

- Самая полезная сводка - это оружие.

Сидя на своем столе в каюте Мэгги, Шими казалась бледной как призрак. Голос был звучным, как у самой настоящей женщины, хоть и имел немного более низкий тембр из-за ее малых размеров.

Оружие? Мэгги задумалась, что бы это могло значить. На борту «Армстронга» и «Сернана» оружия имелось предостаточно - оба корабля были военными. Она хотела попросить Шими объяснить сказанное, но времени на это не было - Натан уже тихонько постучал в дверь.

Старший помощник Натан Босс был хорошим, грамотным офицером, который давно служил у нее и давно был достоин повышения; Мэгги подозревала, что ему просто не хватало целеустремленности. Как бы то ни было, она была рада, что он присутствовал на борту вместе с ней. Хоть он и показался растерянным, когда сел на стул и Шими запрыгнула ему на колени, громко замурчав.

- Ах ты нахалюга, - воскликнула Мэгги.

- Простите, капитан?

– Не ты, Натан. В чем там твое дело?

Оказалось, что ее старпома беспокоило участие в экспедиции Эдварда Катлера – причем не просто участие: он был капитаном «Сернана» и подчинялся только самой Мэгги.

– Послушайте, капитан, тут вопрос морали. Что бы вы ни говорили о капитане Катлере, на этом судне и на «Сернана» есть люди, которые были в Вальгалле в тот день, пять лет назад, когда он смылся. Вы же помните, как он еще пытался получить разрешение на то, чтобы открыть огонь по толпе гражданских?

Конечно, она помнила.

– Полагаю, это было, скорее, крайнее выражение патриотического долга.

Он замялся.

– Тогда, капитан, когда он сбежал один, вы отправили меня вслед. И не видели, что случилось потом.

Но она читала доклады. Катлер, взбешенный, расстроенный и совершенно сбитый с толку Нежной революцией жителей Вальгаллы, наконец без какого-либо разрешения направил оружие на безоружных американских граждан. Натан Босс, рискуя своей жизнью или, по крайней мере, карьерой, сбил его приемом, будто взятым из учебника по американскому футболу. Натан знал, что она в своем докладе по этому происшествию полностью одобрила его действия, так что ей нечего было доказывать на этот счет.

– Суть в том, капитан, что многие из ребят тоже видели, как его приструнил. Фокс, Санторини...

– Ты думаешь о воздействии на моральное состояние, Натан. О том, что они были свидетелями такого поведения вышестоящего офицера.

– Ну да.

– А я думаю, нам следует доверять своим товарищам по экспедиции. И нам следует дать капитану Катлеру шанс проявить себя в своей роли. Все-таки Вальгалла уже пять лет как в прошлом.

– Да, капитан. – Теперь ему было неуютно, и он даже погладил кошку, чтобы немного успокоиться. – Но это еще не все. Я знаю, слушать сплетни – часть моей работы. Вы знаете, как я это ненавижу – развешивать уши в раздевалках.

Она улыбнулась. Натан в некотором роде был слишком прямым для такой изощренной работы. Но он нравился ей таким.

– Продолжай.

– Тут рассказывают, что случилось с капитаном Катлером после Вальгаллы. Когда расследование приостановили, он провел некоторое время в госпитале ВМС, после чего его перевели на Гавайи, на базу адмирала Дэвидсона. И ходят слухи, что там он прошел специальное обучение. И получил назначение на эту миссию именно по какому-то специальному заданию.

Это было что-то новенькое.

– «Специальному» – то есть скрытому от меня?

– Э-э... да, капитан.

Мэгги, ничего не ответив, задумалась. Сказать по правде, ее это не удивляло. В современном флоте тайн было не меньше, чем в какой-нибудь другой крупной, сложной, располагающей значительным бюджетом и богатой оружием организации. Но ее удивляло, что об этом секрете, если это правда, стало известно.

– Зачем бы сюда ни направили Катлера, – она дала Натану понять, что знала об этом не больше, чем он, – мы от него никуда не денемся и мы не можем позволить, чтобы это дурно влияло на моральное состояние экипажа.

Он кивнул:

– Я оберну это в шутку. Моряки любят посплетничать, так что скоро переключатся на кого-нибудь другого.

– Хорошо. Спасибо, что поделился со мной, Натан.

– Надеюсь, я поступил правильно.

– У тебя верное чутье. Но если услышишь что-то более конкретное, дай мне знать. Что-нибудь еще?

– Нет, капитан. Спасибо.

Когда он вышел, Шими запрыгнула обратно на стол.

– Ну и что ты думаешь? – спросила кошка.

– А ты что думаешь? Полагаю, тебе об этом известно больше, чем мне или Натану.

– Ненамного, уверяю.

– Так что, это стоит внимания? У Катлера какое-то спецзадание? Дэвидсон что-то скрывает даже от меня?

– Дэвидсон и сам, может быть, исполняет чьи-то указания сверху.

– А почему ты говорила, что думаешь, будто Натан хочет поговорить об оружии? А-а, ты думала, что Катлер[18 - Фамилия Катлер (англ. Cutler) дословно переводится как «ножовщик».] – это оружие?

– А что, разве нет? Человек непоколебимых убеждений и абсолютной верности. Представь, что тогда в Вальгалле Дэвидсон был вынужден приказать тебе открыть огонь по мирной толпе...

– Хм-м. – Иногда бессонными ночами Мэгги задумывалась об этом, как и о многих других неприятных «если бы» своей жизни. – Думаю, мы бы подчинились. Но

Катлер...

– Катлер первым бросился бы исполнять. Без колебаний и с большим воодушевлением. Разве такой человек не может быть полезным оружием? Капитан, Катлер находится здесь для контроля над вами – в определенных случаях.

– Хм-м...

Мэгги не могла ни проверить это, ни повернуть корабль назад. Единственной системой связи дальнего действия, которая охватывала обитаемую часть Долгой Земли, был аутернет – что-то вроде смеси интернета с грузами, сбрасываемыми случайно проходящими путешественниками и твенами. Он был надежным, но медленным и уж точно небезопасным – да и все равно не функционировал на чересчур большой дальности. К тому же курьерского судна, которое передвигалось бы быстрее «Армстронга», просто не существовало. Так что хорошо это или плохо, но у Мэгги не было иного выхода, кроме как продолжать миссию без доступа к этим сведениям.

Она выплеснула свое раздражение на кошку – ей это было не впервой.

– А ты чертовски подозрительна для случайного скопления электрических искр в полуфунте геля «Корпорация Блэка».

– Сочту это за комплимент. Но я не зря так подозрительна. И вам стоит такой быть. От вас на этом корабле каких только секретов не скрывают. И если вы признаете это для себя, то, может быть, получите неплохой шанс их раскрыть.

Глава 7

Повысив скорость перехода до двух в секунду в летные часы и потратив прилично времени на тесты и доводку системы, «Армстронг» и «Сернан» могли теперь преодолевать свыше полусотни тысяч шагов в день. И через десять дней после речи Каули в Мэдисоне-Запад-5 они уже миновали Запад-1000000 и подступали к более экзотической цепочке миров, которую ранние исследователи

знали как Верхние Меггеры.

Мэгги хоть и опасливо, но позволила себе расслабиться. Горстка ее проблем, и технических, и связанных с людьми, постепенно уменьшалась. Несмотря на мрачное заключение Мака о том, что истинной целью миссии служило развертывание сил федерального правительства, приказов по этой части ей не поступало. И после пяти лет на Ближних и Базовой Землях она больше не была привязана к спасательным масштабным, нескончаемым и донельзя удручающим работам, до сих пор охватывающим пострадавшую от Йеллоустоуна Базовую Америку.

На самом деле она даже подумывала предоставить Гарри Райану полную свободу действий, позволив ему дать полный ход, и посмотреть, на что эта крошка способна.

И в этот момент Дуглас Блэк постучал в дверь ее каюты.

Когда Натан Босс смущенно его представил, Блэк с чопорным видом сел напротив нее. За спиной у него остался стоять мужчина не старше тридцати, коротко стриженный, который зыркал на нее, как сержант на рядового-новобранца.

Натан поспешил тут же удалиться.

Мэгги не знала, что Блэк был на борту, и теперь с досадой припомнила намек Шими на секреты, которые скрывали от нее в этой экспедиции. Раньше она видела этого мужчину – Дугласа Блэка, самого влиятельного и, вероятно, самого богатого промышленника во всех мирах человечества, – лишь издали: то рядом с президентом на сцене в Мэдисоне, то на каком-то медиаканале, где он расхваливал свою новую технологическую инициативу, то когда свидетельствовал на очередном заседании сенатского комитета, расследовавшего дело о корпоративной халатности. Она сразу подумала, что он был ниже, чем казался по телевизору. А еще хуже и старше. На нем был строгого вида черный деловой костюм с галстуком. Может, когда-то он и был хорош собой, но сейчас его лысина покрылась коричневыми пятнами, черты лица, нос и уши выглядели слишком рельефными, как бывает у стариков, а глаза за темными очками, которые он продолжал носить и в помещении, слезились.

Заметив ее изучающий взгляд, Блэк рассмеялся.

– Не нужно сочувствий, капитан. Знаю, я не картина маслом и совсем не тот, каким кажусь, когда меня приукрашивают в цифре для телевизора. Но все же оцените мою юношескую улыбку. – Он широко осклабился, показав ряды идеальных зубов. – Приличные зубы в наше время как раз можно купить.

Она заметила, что он говорил с бостонским акцентом – классическим, как Кеннеди на зернистых черно-белых записях. С классическим акцентом, но не классическим богатством. Все знали историю Блэка – о том, как он умело воспользовался дедовым нефтяным наследством, превратив его во власть и богатство с помощью ошеломляющих технологических инноваций и попутно нажив для своей кометы хвост из врагов.

– Мистер Блэк... – начала она.

– Зови меня Дуглас.

– Пожалуй, не стоит. Вы можете звать меня капитан Кауфман. Я даже понятия не имела, что вы на судне, пока вы не объявили о своем присутствии моему несчастному старпому.

– Ах, да. Боюсь, мы застали молодого человека врасплох. Но увы, иначе я не мог. Меня провели на корабль тайком, перед запуском, и заперли в каюте, в углу гондолы – вам стоит зайти ко мне, посмотреть, где я расположился. Все ради безопасности, сами понимаете. Вы, должно быть, знаете, я довольно, э-э, уязвим и у меня довольно много противников. Вот мы и затеяли эту несчастную уловку – совместными усилиями вашего адмирала Дэвидсона и моей охраны, при содействии людей из администрации президента Каули. Они все очень помогли. – Довольный собой, он улыбнулся.

Мэгги ощутила холодный гнев.

– Помогли? Мистер Блэк, с моей точки зрения, вы безбилетник.

Он остался невозмутим.

– Поразительно! В таком-то возрасте. В этом случае я должен сообщить, что перевозю некий багаж.

– Багаж?

– Со мной здесь Филипп и небольшой персонал – мой личный врач, несколько научных советников, планетолог, климатолог. И некоторое специальное оборудование. В дополнение к общей хрупкости моего возраста я пережил несколько пересадок, и мой принцип отторжения лекарств подрывает иммунитет. Мне нужна защита, как видите. К счастью, у вас вместительный трюм.

– Ничего себе. И сколько тонн мертвого груза все это составляет? Надо же, протащили все на борт без моего ведома.

– Это так. Но что случилось, то случилось. И все же я представить не могу, что вы сбросите меня за борт!

– Нет, вас не сброшу. Но могу сделать это с вашим мордоворотом, если он не перестанет так на меня пялиться.

– Филипп, будь повежливее.

Филипп опустил глаза – но только и всего.

– Боюсь, он должен остаться со мной. Еще одно условие моей безопасности касается вашего предложения каюты. Точнее, не вашего – предложения президента... – Он снова улыбнулся, произнес название высочайшей должности, и умолк, явно дожидаясь, пока она поймет смысл сказанного.

– Что ж, мистер Блэк, не могу сказать, что не удивлена... не изумлена вашим присутствием на моем корабле.

– Это потому что вы меня не знаете – пока. Я всегда был больше склонен к приключениям, чем можно подумать по моему публичному образу.

– Знаю, вы вбухали много денег в эти корабли.

– Да. Я в самом деле хорошенько профинансировал их разработку – за исключением китайской технологии перехода, конечно. Я всегда с удовольствием поддерживал те отрасли промышленности, которые приносят пользу нашим вооруженным силам.

– Я знаю.

Она вспомнила, как ее поразило, например, сколько следов Корпорации Блэка было рассеяно по всему «Бенджамину Франклину». Она всегда подозревала, что Блэк использовал свою вовлеченность в военную отрасль – контактируя с высшим командованием, которое одобряло его грандиозные контракты, и внедряя свои устройства на каждом корабле, каждом танке, каждом бронированном автомобиле, самолете и даже внутри тел самих военных, – чтобы как минимум собирать информацию, а скорее чтобы вести скрытый контроль.

– Должно быть, это стоило вам миллиарды, но думаю, койку на этой посудине вы себе купили.

– Я очень рад, что вы так это воспринимаете.

– А у меня есть выбор?

Он не обратил внимания на вопрос.

– Вы знаете, я всегда следил за вашей карьерой с большим интересом.

– Не сомневаюсь.

И не только вы, подумала она, вспомнив загадочного «доктора Джорджа Абрамса», который объявился со своей технологией троллего зова в разгар ее миссии на борту «Франклина» ровно в тот момент, когда это было нужно, а потом хвалился, как прибегал ко всякого рода манипуляциям, чтобы поспособствовать продвижению ее карьеры. Ах да, он еще дал ее говорящего робота-кошку. Она считала, что Блэк, как и Абрамс, представлял собой лишь узел большой паутины. Но это было ее судно, и она чувствовала, что должна взять контроль над ситуацией.

– Мистер Блэк, чего вы хотите на самом деле? Просто побывать на Долгой Земле?

– А почему это вас так удивляет? Ведь я уже столького добился в жизни. Раз уж я достиг преклонных лет, неужели вы не можете поверить, что мне захотелось купить себе такое последнее приключение? Подумайте, капитан. Мы уже довольно пресытились Долгой Землей, этим огромным многомерным пространством, по которому мы так дерзко шагаем. Да и много ли еще тайн бытия, сокрытых еще глубже? Может, и не так уж странно существование четверти миллиарда миров, открытых для наших исследований на вашем чудесном корабле? Странно, скорее, то, что должен существовать хоть один мир... И что мы там можем найти – кто знает? Как бы я мог пропустить такую миссию, раз уж у меня была возможность в ней поучаствовать? И сделать это нужно было именно сейчас, поскольку я сам покину эту вселенную уже очень скоро.

– Полно вам, мистер Блэк, я на это не куплюсь. Вы не турист – вы попали на борт к какой-то особой целью.

– Ха! – Он довольно хлопнул в ладоши. – Я всегда знал, что вы неглупы. Что ж, это очень хорошо. А чего, по-вашему, я хочу?

– Откуда мне знать? Час назад я даже не знала, что вы на корабле. Может, вы ищете источник вечной молодости.

Он поднял седые брови.

– Вы на удивление проницательны. Большого мне не стоит говорить. Да, я ищу кое-что особенное, и если мы это найдем, я узнаю об этом незамедлительно. А пока... – Он принялся осторожно подниматься; телохранитель, Филипп, ему помог. – Вам не следует думать, что вам придется меня опекать.

– Поверьте, сэр, не буду. Это военный корабль. Вы здесь груз. Причем лишний.

– Что ж, это хотя бы лучше, чем быть безбилетником. Но поскольку я, так сказать, вышел из карцера, то хочу поинтересоваться, можно ли мне немного осмотреть корабль? Допустим, одолжить вашего прелестного старшего помощника на часок?

– Почему бы и нет? Я также попрошу Мака, то есть корабельного врача, доктора Маккензи, навестить вас, чтобы убедиться, что ваше физическое состояние в порядке.

– Уверяю вас, это необязательно. Как я уже говорил, у меня есть личный...

– Это не обсуждается, сэр. Это мой корабль. Я отвечаю за вашу безопасность, если уж вы оказались на борту. Мак зайдет к вам завтра.

– Тогда буду ждать с нетерпением. А где, позвольте спросить, будет наша следующая остановка?

На это у нее имелся точный ответ.

– Если не считать нескольких пробных остановок, мы остановимся на Западе-1617524. Туда прибудем через несколько дней. И подберем там еще одного члена экипажа.

И, подумала она мрачно, очередной ворох проблем с кадрами для нее. Но на этот раз это, по крайней мере, был ее выбор.

– Надеюсь, там у меня будет возможность размять ноги.

– Мистер Блэк, насколько я полагаю, вы не ступите с этого корабля, пока он не окажется снова в сухом доке.

Блэк улыбнулся.

– Я восхищен вашей прямоотой, капитан Кауфман. А пока до свидания. Идем, Филипп...

Сестра Агнес оказалась права. Джошуа не хотел переходить, когда Лобсанг его позвал. Он так и не смирился по-настоящему с тем, что Лобсанг не спас Базовый Мэдисон от террористической атаки, удара ядерного оружия, тогда в 2030-м. Но что задевало его еще сильнее, он не мог свыкнуться с тем, как Лобсанг пятнадцать лет назад завлек Джошуа, одиночку по жизни, в свои планы и схемы.

Но в целом он вынужден был признать, что Лобсанг был силой добра – для Долгой Земли. И может быть, теперь хотел совершить еще какое-то доброе дело.

И, как утверждала Агнес, Лобсанг был одинок.

А потом у него разболелась голова. И почувствовав этот предупредительный знак у себя в голове – явно сигнал о каком-то разладе на Долгой Земле, Джошуа ожидал, что Лобсанг каким-то образом выйдет на связь. Он почти испытал облегчение, когда так и случилось.

Что за черт? Он возвращался на Базовую Землю.

Джошуа согласился встретиться с Лобсангом в городке Твин-Фолс, Айдахо, Базовая Земля, примерно в ста пятидесяти милях от Йеллоустоуна.

Для Джошуа теперь просто перейти в город было проблематично. Из-за льда и пепла, покрывавших землю на Базовой, уровень поверхности там сильно отличался от уровня в соседних последовательных мирах, причем довольно непредсказуемым образом. Так что Джошуа перешел на Базовую Землю на почтительном расстоянии от Твин-Фолс, взял напрокат внедорожник и поехал на нем.

Дороги были свободны для проезда, особенно автострады и федеральные трассы. Движения было мало – только тяжелые фуры и несколько автобусов, за запотевшими окнами которых кутались в одежды люди. Легковых машин почти не попадалось, а внедорожников, как у него, проехало совсем чуть-чуть – и в этом можно было винить нехватку горючего по всему миру.

Поначалу все шло хорошо. А потом он попал в метель, и пришлось несколько миль ехать за снегоочистителем.

Когда он наконец добрался до Твин-Фолс, городок оказался полностью замерзшим. По обе стороны от дороги был лед – старый, грязный, слоистый, такой, что не таял уже несколько лет, – лед, который он скорее мог представить на северном полюсе Марса. А кроме льда вулканический пепел, который остался даже там спустя годы после того, как перестал сыпаться с неба; он сбивался в кучи по углам или уплотнялся вместе со льдом, образуя твердые, шероховатые насыпи по обочинам. В самом центре города виднелись дома, которые обрушились под тяжестью пепла или снега, а то и просто выгорели. И ничего здесь не было ни восстановлено, ни расчищено. Это был Айдахо, и стоял январь. Ему это напомнило посещенные им миры, где шел Ледниковый период.

Он задумался, почему люди вообще оставались здесь жить, – а ведь он знал, что еще оставалось даже несколько населенных пунктов и севернее этого. Упрямство, предположил он, и чистая инерция. Или гордость: люди, как он заметил, были склонны принимать вызов, отказывались терпеть поражение, какими бы малыми ни были их шансы, и возвращались в свои затопленные дома, когда сходила вода, или в район вулкана, когда заканчивалось его извержение. В Твин-Фолс, впрочем, еще можно было жить, и люди здесь жили все в тех же домах.

Он оставил внедорожник на парковке мотеля – при этом пришлось выплатить аванс хозяину, чтобы тот присмотрел за машиной до его возвращения. Хозяин также посоветовал ему слить бензин, прежде чем уйти, а потом попытался выторговать цену выше, чем они уже договорились. Но парень получил от Джошуа резкий отказ – у того и так был скверный характер, а тут еще и головная боль, которая донимала его несколько недель в Верхних Меггерах и после перехода на Базовую только усилилась.

Он прибыл на место встречи с Лобсангом немного раньше назначенного времени, поэтому вышел в центр города и взял себе кофе, заплатив непомерно много за напиток, имевший вкус оскребков, разведенных с опилками. Зато он хотя бы скрасил ожидание тем, что посидел в душной семейной кофейне.

И через час, точно как договаривались, в пасмурном небе появился твен.

Много слов им не требовалось, и Лобсанг пригласил Джошуа на борт. Тот как следует рассмотрел судно.

По сравнению с «Марком Твенном» Лобсанга и могучими коммерческими кораблями, ходившими по Долгой Миссисипи, этот, в двести футов длиной, казался маленьким. Его гондола была не крупнее трейлера. Но, как понял Джошуа, когда Лобсанг завел его внутрь, в гондоле легко можно было разместиться вдвоем. Здесь была просторная гостиная с широкими окнами, диваном, бортовой кухней, небольшим столиком и настенными планшетами, отображавшими анимированные карты и показатели высоты, скорости ветра и температуры.

Как и на всех кораблях Лобсанга, здесь имелись и помещения за закрытыми дверями – Джошуа всегда подозревал, что это были машинные отделения для поддержания его функционирования, аккуратно убранные из виду. Но одна створка двери была открыта, и Джошуа мельком увидел за ней вертикальный цилиндр фута три высотой, затейливо выгравированный – молитвенная мельница? А за ним какое-то святилище, золотой Будда, богато украшенный красной, зеленой и золотистой листвой. Запах ладана. Очередная часть Лобсанга, предположил Джошуа, скрытая из виду.

Был здесь и землемер, хотя Лобсанг и предупредил Джошуа, что не собирался сегодня переходить в последовательные миры – лишь путешествовать по Базовой Земле. Они должны были пролететь вдоль федеральных трасс – 84-й, 86-й и 15-й, примерно на северо-восток, и посмотреть на новую кальдеру Йеллоустоуна.

– Там такой видок, Джошуа, – заметил ему Лобсанг. – Кальдера. Даже опытным путешественникам из Верхних Меггер нравится. А ведь это здесь, на Базовой. Даже подумать страшно.

Он – или, точнее, его передвижной модуль – сел рядом с Джошуа, в оранжевом облачении, с бритой головой и довольно неподвижным, как заметил Джошуа, лицом. Да и способность к непринужденным разговорам у него не улучшилась. Но тем не менее они встретились.

Джошуа бережно держал кофе, который был бесконечно крепче и душистее, чем тот, что ему подали в Твин-Фолс, и смотрел вниз на чистую трассу – черную

полосу, разрезавшую сероватую местность.

Между сохранившимися поселениями двигалось несколько грузовиков и еще – коляски с лошадьми, словно они смотрели на какой-то музей под открытым небом. И велосипеды, по крайней мере, на подступах к городкам. И даже будто бы сани, запряженные собаками, тоже рассекали сугробы.

– Ну и видок, – сказал он. – Лет десять назад в такое бы никто не поверил.

– Действительно. Кажется, климатические пояса вдруг сместились на тысячу миль к экватору, с севера на юг. Так что, скажем, в Лос-Анджелесе теперь климат такой же, как до извержения был в Сиэтле.

– Знаю. Я там был. Местные просто терпеть не могут этих дождей и туманов.

– А сам Сиэтл больше напоминает Аляску. Большая часть планеты, к северу или к югу от сороковой широты, попросту брошена из-за льдов. Канада, Северная Европа, Россия, Сибирь – везде пусто: страны рухнули, народ перешел, древние города все заброшены, кроме самых стойких. Нельсон Азикиве мне сказал, что в Британии сейчас мало кто есть – только команды собирателей с Ближних Земель, которые пытаются спасти культурные ценности.

– Нельсон Азикиве?

– Один из моих друзей, Джошуа. Ты с ним, кстати, встречался в моем заповеднике в Мэдисоне на Ближней Земле – в день извержения. И вообще-то я хотел бы, чтобы вы с ним вместе участвовали.

Джошуа не ответил. «Друзья» значит «активы». Иногда он чувствовал себя таким «другом» для Лобсанга, каким пешка на шахматной доске была для гроссмейстера. Но и несмотря на это, позже он обычно обнаруживал, что все равно исполняет прихоти Лобсанга.

– Политическая картина Базовой Земли существенно изменилась, – сказал Лобсанг. – Теперь балом правят Южная Европа, Северная Африка, Индия, Юго-Восточная Азия, Южный Китай – даже Мексика и Бразилия, которая эксплуатирует последние остатки тропических лесов, чтобы потом отдать

Амазонию под сельское хозяйство и добычу полезных ископаемых. Можете себе представить, какая сейчас идет борьба за позиции в этом новом порядке?

Китай несколько отделен от своих последовательных копий по сравнению с Америкой и ее Эгидой, но на Базовой Земле китайцы весьма сильны.

- Ну и удачи им.

- А вот Базовая Америка повержена. Думаю, тебя это не столь беспокоит, раз уж ты живешь в Черт-Знает-Где.

Джошуа нахмурился.

- Ты чертовски хорошо знаешь, что я там больше не живу, Лобсанг. Я не был там уже несколько месяцев. Ты же посылал Билла Чамберса, чтобы вызвать меня из моего последнего «творческого отпуска», разве нет?

- Я надеялся, что ты мог бы прийти к примирению с Хелен.

- Значит, ты не знаешь Хелен. Думаю, все время, что я провел здесь на Базовой после Йеллоустоуна, стало последней каплей – даже при том, что она знала, что это правое дело. По ее мнению, я никогда не мог найти верный баланс между домом и...

- И зовом Долгой Земли. Двумя сторонами твоей натуры.

- Вроде того.

- А Дэн?

- Ну, я вижусь с ним, когда только есть возможность. Он хороший парень, тринадцать лет, а уже выше меня.

- И все же ты уходишь в свои «творческие отпуска»... Как рука, кстати?

Джошуа поднял протез левой кисти к горлу, сделал вид, будто душит себя и пытается ее оттолкнуть.

– Бывают хорошие дни, бывают плохие.

– Я мог бы сделать тебе что-нибудь гораздо лучше, знаешь ли.

– С тобой внутри? Без обид, Лобсанг, но нет. – Он протянул свою кружку. – У нас что, закончился кофе?

Корабль двигался неторопливо. Лишь вечером они оказались над Айдахо-Фолс, что находился милях в восьмидесяти от кальдеры. Там Лобсанг сказал, что нужно остановиться на ночевку.

По просьбе Джошуа Лобсанг посадил корабль, и они спустились на землю, быстро отойдя от гондолы с ее нагретым воздухом, хотя Лобсанг и настаивал, что стоит вернуться на судно до наступления темноты.

– Здесь сейчас много бандитов, Джошуа.

Джошуа шел бок о бок с Лобсангом по дороге, занесенной льдом и пеплом и усеянной такими крупными глыбами пемзы, что трудно было поверить, что какая-то сила могла заставить их преодолеть по воздуху и восемьдесят ярдов, не говоря уже о восьмидесяти милях. Воздух был обжигающе холодным, и Джошуа ощущал это на щеках, носу и лбу – то есть всеми местами, что не были скрыты его зимним обмундированием.

Он подошел к вялому ручейку. Вода в нем была серая от пепла, а стволы деревьев, росших у берегов, – серо-коричневыми. Зрелище выглядело жутковато, особенно после захода солнца, когда все погрузилось в медный свет. И вокруг стояла тишина. На трассе никого не было в пределах многих миль, но и сама природа казалась усмирённой. Джошуа осмотрел тонкие стволы мертвых сосен, но звуков птиц оттуда не доносилось.

– Тихо тут, – заметил он Лобсангу.

Передвижной модуль был в арктической одежде, как и он сам. Дыхание Лобсанга, явно подогреваемое и увлажняемое каким-то внутренним механизмом, выходило с довольно убедительным, даже совсем правдоподобным паром.

– Для меня мир еще тише. Столько заброшенных сетей и узлов связи... Для меня, Джошуа, он превращается в Тулкандру[19 - Название Земли в научно-фантастическом романе Клайва Льюиса «За пределы безмолвной планеты»].

Джошуа понял, о чем речь.

– Безмолвная планета. Зачем ты привел меня сюда, Лобсанг?

– Как голова?

– Ну конечно, тебе и об этом известно. Если так хочешь знать, сейчас болит сильнее всего. Я имею в виду, обычно я чувствую недомогание, когда оказываюсь на Базовой или приближаюсь к ней, но это еще хуже...

Он умолк и огляделся вокруг. Ему показалось, что он что-то услышал, что-то нарушило эту мертвую тишину. Какое-то движение украдкой. Волк, голодающий в промерзлой глуши? Медведь? Человек, какой-нибудь бандит, как его предупреждал Лобсанг?

Сам Лобсанг, однако, вроде бы ничего не заметил.

– Но сейчас по-другому, да? Твоя головная боль. Ты, должно быть, ощущаешь какие-то изменения, происходящие на Базовой Земле.

– Так ты тоже, верно? – буркнул Джошуа. – Что-то заметил, да? Признак чего-то. Иначе не стал бы меня звать.

– Верно. Признак чего-то – хорошо сказано. Чего-то неуловимого и трудно определяемого, но тем не менее несомненного для меня. Меня, до сих пор охватывающего весь мир, как бестелесный дух бардо, даже несмотря на мои поствулканические затруднения...

– И на что это похоже?

– Не важно. Это что-то настоящее, Джошуа. Слушай, ты меня знаешь. По крайней мере, я глубоко изучал человеческую глупость, которая подчас казалась почти фатальной.

– Как мы уже неоднократно обсуждали, – сухо заметил Джошуа.

– Ну, кое-что теперь изменилось. Судя по всему, это из-за Йеллоустоуна. Люди отреагировали или хорошо, или плохо. Но между героизмом и трусостью, благородством и продажностью, если посмотреть в целом – а я едва ли способен смотреть иначе, – кажется, что реакцию людей на Йеллоустоун можно охарактеризовать как поразительную вспышку того, что сестра Агнес однажды назвала «здравым смыслом».

И едва он произнес эти слова, в воздухе материализовалась фигура в оранжевом комбинезоне, с босыми ногами и бритой головой. Появившись, она уже летела в прыжке.

– А-а-а-а-ах!

– Не сейчас, Чойдже!

Но слова Лобсанга оборвались, когда пришелец обхватил ногами его шею. Лобсанг повалился на мерзлую землю – и, упав, он перешел и исчез, так что пришелец покатился по грязному снегу сам, испачкав свой оранжевый комбинезон в пепле.

У Джошуа был с собой пистолет, бронзовый, пригодный для перехода. Он всегда находился при нем. И не успел тот парень пошевелиться, как Джошуа выставил оружие перед собой, взявшись двумя руками и широко расставив ноги.

– Я знал, что за нами кто-то следит. Я тебя слышал. Ни с места, кузнечик.

Тут рядом появился Лобсанг, тяжело дыша и с порванным на шее одеянием.

– Все нормально, Джошуа. Мне ничего не угрожает. Просто...

– Хэ-э-э-эйя!

Лежащий на земле парень сделал что-то вроде сальто назад и, снова взметнувшись в воздух, бросился на Лобсанга. Но тот кувыркнулся вперед, и пришелец пролетел мимо. И в этот раз нападавший перешел сам, прежде чем удариться о землю.

Лобсанг выпрямился, переводя дыхание.

– Это одна из идей Агнес. Понимаешь...

– Ни-и-и-а-а-а!

Теперь нападавший, Чойдже, материализовался над головой Лобсанга, сомкнув кулаки и приготовившись обрушиться ему на макушку. Но Лобсанг пригнулся, крутанулся и пнул его в живот. Чойдже снова исчез.

Джошуа от них отстранился. Убрал пистолет в кобуру, отошел в сторону и оттуда наблюдал за борьбой. Она состояла из череды ударов руками, ногами и даже головой, наносимых с силой и шлепающими звуками, а также переходов – словно противники переставали существовать, а потом появлялись вновь, и каждый стремился броситься на другого. Путешествуя с Лобсангом, Джошуа посмотрел множество фильмов с Джеки Чаном. А на Долгой Земле и сам участвовал в боях с эльфами – человекоподобными существами и превосходными охотниками, которые умели переходить из мира в мир с такой точностью, что могли материализоваться рядом с тобой, уже готовые схватить тебя за горло. Нынешний бой несколько напоминал Джошуа все это вперемешку. Это была высокоскоростная мешанина, где было все, но за которой было совершенно невозможно уследить.

– Хи-и-и-йя-а-а-а!

– Чойдже, ах ты!..

Все закончилось, когда Лобсанг схватил Чойдже за левую руку, будто желая ее пожать, но, крепко стиснув, исполнил сальто назад с места. Когда он это проделал, рука осталась у него в руке – ее оторвало на уровне запястья. Чойдже,

ошеломленный и тяжело дышащий, взглянул на культу; Джошуа заметил, что в белесой жидкости, закапавшей на землю, вспыхнули светодиоды.

Чойдже поклонился Лобсангу:

- Молодец! Рад видеть, что забота сестры Агнес вас не ослабила!

- Даже наоборот, - ответил Лобсанг. - До встречи.

- До встречи. И можно мою оторванную конечность... - Лобсанг отдал ему кисть, и Чойдже испарился в воздухе.

- Итак, Лобсанг, что за Чойдже?

У Лобсанга выступил пот - и довольно убедительный на вид.

- Как я сказал, это идея Агнес. Она считает, что я чересчур мощный. И говорит, нужно, чтобы мне бросали вызов. Так я смогу находиться в постоянном режиме тренировки. Вообще идею Чойдже Агнес взяла из наших спаррингов во время путешествия на «Марке Твене». И я получаю огромную пользу, улучшая с помощью таких упражнений навык владения передвижным модулем, тогда как Чойдже становится все более изобретательным противником. Кстати, помимо этого спарринг-партнера она наняла еще одного, из бывших жильцов Приюта - довольно нелюдимого молодого человека, посвятившего свою жизнь внедрению изощренного компьютерного вируса, атаковавшего меня.

- Что, вируса?

Они двинулись в сторону твена.

- Вирусы для меня опаснее всякого физического насилия, независимо от того, сколько резервных копий я сделал. Отсутствие синхронизации между моими итерациями дает возможность для потенциально смертельной атаки. Я подумываю установить по меньшей мере одну неэлектронную резервную копию.

- Это как?

– Ну, несколько сотен монахов в каком-нибудь скриптории, которые будут беспрерывно копировать мои мысли из одного бумажного тома в другой. Может быть, на Луне.

– Кое-что в тебе определенно остается неизменным, Лобсанг. Твои шутки не становятся лучше. Но я хотя бы понимаю, когда ты шутишь.

– Сочту это за комплимент.

– А ведь происшествие с Чойдже случилось именно тогда, когда ты собирался прочитать мне лекцию о «здравом смысле».

– Мы можем продолжить это обсуждение завтра. Условия на твене довольно спартанские, однако там есть все удобства. Надеюсь, тебе понравится.

– Фильмы есть хорошие?

– Конечно. Сами выберете. Только прошу, никаких поющих монашек...

Глава 9

Утром они позавтракали почти в полном молчании, а затем полетели дальше. Вместо того чтобы направиться к кальдере по прямой, Лобсанг сначала обогнул ее с запада, следуя по тому, что осталось от шоссе, что тянулось с юга на север. Когда они подобралась ближе к кальдере, лежащий все более плотным слоем пепел стал покрывать всю местность, как было здесь и перед извержением. Они вступали в вулканическую провинцию, подумал Джошуа, словно фрагмент чужого мира, спустившийся на Землю.

– Цивилизация Базовой Земли никогда не сможет восстановиться, – пробормотал Лобсанг, пока они разглядывали странный ландшафт.

– Нельзя судить так категорично, – проворчал Джошуа. – Прошло всего немного лет...

– Но подумай сам. Мы уже использовали все легкодоступные руды, нефть, большую часть угля. К тому же планета и так страдала от серьезной дестабилизации климата из-за выброса в атмосферу промышленных газов. Когда эффект Йеллоустоуна наконец стихнет, лучшее, на что здесь можно будет рассчитывать, – это повсеместная нестабильность, ведь планете придется искать новое равновесие после двух сильнейших потрясений – антропогенного и вулканического.

– Хм-м. Так вот почему сейчас столько говорят о восстановлении дикой природы?

Суть идеи заключалась в том, что, когда зима на Базовой Земле наконец отступит, можно будет попробовать вылечить планету. Все виды животных, которые оказались на грани вымирания на Базовой, по-прежнему процветали в соседних мирах (хотя, опять-таки, Джошуа знал, что на некоторых из Ближних Земель многие из них уже были в опасности). Таким образом, в Северную Америку можно было вернуть мамонтов, тарпанов, бизонов и мускусных быков, в реки – тюленей, в океаны – китов. Достаточно было просто переместить их на Базовую, лучше всего детенышами. И также можно было позволить и суше, и воде восстановить их естественное состояние.

– Романтичная идея, – заметил Лобсанг. – Конечно, нужно очень многое сделать, чтобы Базовая хотя бы стала безопасной.

– Как, например, закрыть атомные электростанции?

– И подождать, пока прорвутся дамбы, заполнятся высохшие болота... Пройдут десятки, сотни лет, прежде чем загрязнители вроде тяжелых металлов и радиоактивных отходов сократятся до безопасного уровня. И даже тогда останутся прорезанные дороги и вырытые шахты в коренных породах, так что печать человечества не сойдет еще миллионы лет.

– Ты можешь этим гордиться.

– Как скажешь, Джошуа. Тем не менее попытка излечить этот мир, используя последовательные, представляется весьма благородным стремлением, какими бы ограничениями на практике это ни сопровождалось.

Наконец к северу от самого Йеллоустоуна они сделали остановку над тем, что некогда было городом. Осталось от него немного – лишь несколько разбросанных то тут, то там фундаментов, сетка улиц, слабо проглядывающая из пепла, а все прочее было практически полностью засыпано.

Джошуа взглянул на экран, где высвечивалась карта: место исчезнувшей цивилизации отображалось на ней в бодрых белых, зеленых и желтых оттенках, между мелко расчерченными границами штата и округов, таким, каким было прежде.

– Это Бозмен.

– Да. Или был им. Я подумал, тебе это понравится, Джошуа. Я увидел по записям, что вы с Салли были здесь в последний день самого извержения, когда обрушилась кальдера. Вы подвергали себя опасности, рисковали своими жизнями, чтобы спасти других.

– Мы не одни здесь были, – ответил Джошуа безэмоционально.

Твен сбросил высоту и заскользил над землей, засоренной слоями пепла и пемзы неведомой толщины.

– Мы еще примерно в пятидесяти милях от кальдеры, – произнес Лобсанг. – Но это место, как и многие другие, было охвачено последним пирокластическим потоком. Извержение закончилось только тогда, когда камера кальдеры опустела от магмы. Столб дыма и пепла, возникший над вулканом, резко обрушился, и сверхгорячие осколки камней стали падать со скоростью звука, засыпая все вокруг в радиусе десяти миль.

Джошуа был там, он это помнил.

– Теперь Бозмен, Айдахо, не отличается от Помпеи. Должны пройти годы, прежде чем пепел хотя бы остынет, не говоря уже о том, чтобы здесь снова могли поселиться люди.

– И все же кое-что здесь растет, – заметил Джошуа. Присмотревшись, он указал на остатки зелени.

Лобсанг на секунду замолчал; Джошуа представил, как его искусственные органы чувств наводятся на лежащую внизу землю.

– Да. Лишайник. Мох. Даже скрученная сосна. Не более чем побеги, но как бы то ни было – жизнь приспосабливается.

Твен повернул носом на юг, навстречу самой кальдере.

– Итак, Лобсанг. Вчера ты сказал мне, что обеспокоен тем, что планету охватывает вспышка здравого смысла. Поверь, это будет только первая из них.

– Я готов привести примеры...

Экраны на палубе вспыхнули изображением коротких видеонарезок, снятых по всем Соединенным Штатам в дни и годы Йеллоустоунской катастрофы.

Один маленький мальчик в школьном классе в Колорадо. Его учителя растерялись во время пеплопада, а он тихонько выстроил в ряд своих ревущих в истерике одноклассников и вывел их из здания, велел обернуть головы влажными полотенцами и положить руки на плечи впереди идущих.

Подросток застрял со своими бабкой и дедом в доме престарелых в Айдахо. Там полно стариков, которые не могли либо не хотели переходить, и он спокойно за ними ухаживает – кормит и всячески заботится.

Зажиточная семья в Монтане. Мать отказывается покинуть дом с детьми из-за того, что одна дочь пропала и, скорее всего, погибла под завалами раздавленной пеплом теплицы. Муж сходит с ума от страха и отказывается оставаться, чтобы раскапывать развалины. Их служанка, девушка лет семнадцати, сама устраивает раскопки, находит пропавшую и выносит тело, так как это единственный способ уговорить мать перейти и спасти остальных.

Джошуа вспомнилась история, которую он слышал сам, тоже случившаяся в Бозмене, об «умной молодой леди», которая появлялась с поразительно здоровыми советами, помогавшими пережить извержение.

– Во всех этих эпизодах присутствует молодежь, – заметил он. – А то и дети.

– Действительно. И ты можешь обратить внимание на то, что их подвигам не присущ ни героизм, ни особая стойкость, ни что-либо в этом роде. Они совершали эти подвиги тихо, спокойно, мудро взяв ведущую роль на себя – и уж тем более мудро для своего возраста. Они поступали рассудительно, и это становилось очевидно даже тем взрослым, которые находились тогда рядом. И с холодной рациональностью. Они оказались способны отбросить иллюзии, которые хоть и утешали, но сбивали нормальный человеческий разум с толку. Возьмем женщину из Монтаны, у которой погиб ребенок. Она не могла смириться со смертью. Служанка же смирилась не только с этим, но и с тем, что не сможет убедить мать иначе, поэтому нашла способ спасти семью, приняв во внимание психологическую сторону ситуации.

– Хм-м, – Джошуа изучающе посмотрел на ничего не выражающее лицо модуля. – Что ты хочешь этим сказать, Лобсанг? Ты ведь говорил об этом и раньше. Что мы наблюдаем появление некоего более разумного вида? Подлинного Homo sapiens, как ты всегда их называл – противопоставляя обычным людям, то есть кучке приматов, прозвавших себя мудрецами...

– Ну, все на это указывает. Раз уж ты возводишь горы гипотез на основе пары наблюдений.

Но Лобсанг, подозревал Джошуа, наверняка имеет еще какие-то аргументы, кроме этих небольших эпизодов.

– Так как все это происходит? И почему именно сейчас?

– Полагаю, эти два вопроса связаны между собой. Возможно, существует некий инкубатор, где-нибудь далеко на Долгой Земле. И только теперь, видите ли, с появлением и широким распространением переходов, продукты такого инкубатора стали достигать Базовой Земли. И возможно, мы наблюдаем возникновение этого нового качества в состоянии стресса. Некоторый генный комплекс внезапно стал экспрессироваться по причине значительного смещения после Йеллоустона. Это объяснило бы, почему мы наблюдаем это именно сейчас. И теперь вот еще ты, Джошуа.

– Я?

– Твои головные боли. Это странное экстрасенсорное чувство, которым ты обладаешь, похоже, позволяет тебе обнаруживать присутствие необычного типа разума – причем довольно сильного. Если тебе вкрутить в ухо лампочку, она наверняка загорится красным светом, в знак тревоги.

– Очень мило. Значит, появилось что-то новое в этом мире или в каких-то других мирах. И я к этому чему-то чувствителен, как был чувствителен к Первому Лицу Единственному Числу.

– Не просто что-то, за всем этим может стоять зарождающаяся организация.

– Организация? И чем она занимается?

– Мой коллега Нельсон Азикиве опекает английского ребенка – его родители бежали в Италию, – еще одного настораживающе умного мальчика. Но его запугали боязливые местные – они даже поговаривали о ведьмовстве. К его родителям будто бы подошел другой мальчик – уже подросток. И он предложил им место для их сына в колледже с полным пансионом – такова была цель этого подростка, который выискивал как раз детей с исключительными умственными способностями. Родители даже растерялись, пораженные странным спокойствием молодого человека и тем, каким непринужденным образом он парировал все их возражения.

– И они отпустили своего сына?

– С каким-то подростком? Конечно, нет. Хотя Нельсон и говорит, что почти сумел их убедить. Нельсон предсказывает, что следующую попытку будет проводить прямо, с более взрослым...

– Если это все так, то что ты собираешься сделать, Лобсанг?

– Если это смутное существо существует, если в нашем мире появляется новый человеческий вид – я хочу с ним встретиться. Пообщаться с ним. Себя я воспринимаю как некоего стража человечества, Джошуа. А это новое существо, может быть, уже находится на исходе своего долгого детства. И когда оно вступит во взрослую жизнь, я хочу быть уверенным, что оно не причинит нам вреда.

- И в этом, полагаю, тебе и нужна моя помощь. В поиске этих новых людей.

- Твоя и не только, еще многих других. О... уже пора.

- Что пора?

В этот момент со всех экранов исчезло изображение.

- Выгляни в окно.

Какое-то время земля размеренно шла в гору, но была покрыта трещинами, засыпана пеплом и усеяна огромными булыжниками. Джошуа даже казалось, будто они следовали к лунному кратеру вдоль лучей из разрушенных пород.

Затем земля довольно резко просела, словно они проплыли над утесом. Взглянув вниз, Джошуа увидел ландшафт, напоминавший какую-нибудь унылую палитру художника - разводы красноватых пород вперемешку с лавовыми озерами, неприятного серно-желтого цвета, вяло выпускающие пузыри и исходящие слабым паром. Вид на все это ему преграждало марево от жары, а слух дразнило щелканье переключателя кондиционера в гондоле, который после многих часов борьбы с арктическим холодом стремился подавить внезапно хлынувшее тепло.

И когда он посмотрел вверх, через стылую долину, то увидел что-то вроде утеса, смотрящего на него вдалеке, мерцающая в голубом мареве.

- Это кальдера, Джошуа, - сказал Лобсанг. - Кратер. Такой большой, что отсюда даже нельзя понять, что он круглый. До земли внизу полмили, мы сейчас летим над магматической камерой. А до дальней стены кальдеры больше сорока миль. На самом деле нам очень не повезло.

- Не повезло?

- Супервулканы извергаются раз в полмиллиона лет или около того. И одни извержения получаются хуже других - чем больше выходит магмы, тем больший наносится урон. И Йеллоустоунское было худшим за последние два миллиона лет. Геологи могли бы нам все это рассказать, но они и сами такого не

предвидели. А последствия сам видишь.

Джошуа не нашел, что ответить.

– Впечатляюще, не правда ли? Такой видок, наверное, самого Бога завораживает. И даже меня. – Его голос странно дрогнул.

Джошуа почувствовал озабоченность.

– Лобсанг? С тобой все нормально?

Лобсанг ответил не сразу.

– Я не прошу этого у тебя так необдуманно, Джошуа, – неопределенно произнес он. – В смысле путешествовать снова. Я стал больше осознавать, как сильно ты рискуешь, когда я прошу тебя перейти на Долгую Землю. Да и как все мы рискуем.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты когда-нибудь думал, что будет, если ты там погибнешь? Я имею в виду, что станет с твоей бессмертной душой? Сможет ли развоплощенная душа переходить между мирами? Если ты окажешься один в мире, где не будет людей и твоей душе негде будет поселиться, то ты, вероятно, вообще не сможешь перевоплотиться как человек.

Джошуа когда-то уже слышал этот вопрос, в основном от косоглазых фанатиков, которые поджидали его в терминалах твенгов, чтобы увлечь своими разглагольствованьями. Сейчас он даже немного поразился, услышав, как его задал Лобсанг. Несмотря на все заверения Лобсанга, будто он чинил мотоциклы на Тибете, пока не перевоплотился в суперкомпьютер на гелиевой основе, в своих беседах они никогда не углублялись так в мистическую сторону этого утверждения. Но Джошуа подумал о маленьком буддистском святилище в углу корабля. Похоже, Лобсанг менялся, уходя глубже к собственным корням.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Традиционное американское жилище часто ассоциируется с именем 16-го президента США, родившегося и проведшего детство в такой хижине.

2

Американский комедийный телесериал, выходивший на экраны в 1951–1957 гг.

3

Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях.

4

В буддизме: промежуточное состояние, буквально переводимое как «между двумя».

5

Военные конфликты, развернувшиеся в середине XIX века между Империей Цин и странами Запада, которые требовали выравнивания торгового баланса с Китаем, в том числе за счет продажи опиума.

6

Перевод Самуила Маршака.

7

Синодальный перевод.

8

Лунное море в северо-западной части видимой стороны Луны.

9

Данный принцип известен как закон Мерфи, названный в честь капитана Эдварда А. Мерфи, служившего инженером на базе ВВС США.

10

Американская ракета-носитель, самая крупная и тяжелая в истории человечества. Эксплуатировалась в 1967–1973 гг.

11

Крупная американская авиастроительная компания.

12

Уолтер Кронкайт (1916–2009) – американский тележурналист, наиболее известный как ведущий вечерних выпусков новостей на канале «Си-Би-Эс» в 1962–1981 гг.

13

Космический шаттл, потерпевший катастрофу во время запуска 28 января 1986 года, что привело к гибели семи членов экипажа.

14

Джони Митчелл (р. 1943) – канадская певица и автор песен в жанрах фолк-рок, джаз, поп.

15

Жесткий дирижабль, построенный в 1936 году в Германии и ставший крупнейшим воздушным судном своего времени. В длину достигал 245 метров, в диаметре – до 41 метра.

16

Традиционный марш, исполняемый при встрече президента США.

17

Юджин Сернан (1934–2017) – американский астронавт, участник двух полетов программы «Аполлон». Последний человек, ступавший на поверхность Луны.

18

Фамилия Катлер (англ. Cutler) дословно переводится как «ножовщик».

19

Название Земли в научно-фантастическом романе Клайва Льюиса «За пределы безмолвной планеты».

Купить: https://tellnovel.com/ru/pratchett_stiven/beskonechnyy-mars

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)